

На правах рукописи

Владимир Александрович ПЛУНГЯН

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ, ИХ АНАЛОГИ И ЗАМЕСТИТЕЛИ

Специальность 10.02.19

“Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика”

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 1998

Работа выполнена в Институте языкознания Российской академии наук
(Москва)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор М.В.Всеволодова

доктор филологических наук Т.В.Булыгина

доктор филологических наук В.И.Подлеская

Ведущая организация – Отдел языков Института востоковедения РАН

Защита состоится “16” декабря 1998 года в 14⁰⁰ час. на заседании
диссертационного совета Д-053.05.16 по присуждению ученой степени доктора
наук при Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова
(Москва, Воробьевы горы, I гуманитарный корпус МГУ)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГУ им. М.В.Ломоносова

Автореферат разослан “ ” 1998 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

О.В.Дедова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

1. Предмет и задачи исследования

Тот раздел лингвистики, к которому с наибольшим основанием можно отнести данную работу, находится на пересечении теории грамматики и грамматической типологии.

В работе предлагается новый подход к описанию грамматических значений естественных языков, основанный на “недискретном” понимании грамматичности. Когнитивные категории, которыми оперирует человек, редко имеют четко очерченные границы; представляется полезным взглянуть на такую традиционную область, как грамматика, именно в аспекте ее внутренней неоднородности. Бинарное противопоставление грамматического и неграмматического должно быть дополнено характеристиками многочисленных переходных явлений, которые часто игнорировались предшествующими исследованиями.

Именно эта переходная зона (говоря о которой, мы предлагаем использовать термин “*грамматическая периферия*”) и является основным объектом описания в данной работе. Выделяются и последовательно рассматриваются два аспекта грамматической периферии: структурный и функциональный. В структурном плане можно говорить об “аналогах” грамматических значений, т.е. о значениях, по тем или иным причинам еще не достигших грамматического статуса, но имеющих целый ряд общих свойств с грамматическими значениями. В функциональном плане можно говорить о “заместителях” грамматических значений; это понятие полезно, например, при обсуждении того, как маркируется временной дейксис в языке без грамматической категории времени или изменение коммуникативной структуры предложения – в языке без грамматической категории залога.

Понятие грамматической периферии тесно связано с другим центральным для данной работы понятием – “Универсального грамматического набора”, т.е. закрытого класса значений, на основе которых в естественных языках формируются грамматические категории. Общая характеристика этого класса также входит в задачи нашего исследования.

2. Актуальность исследования

Проблема определения и описания грамматических категорий всегда была центральной задачей как традиционной лингвистики (“грамматики”), так и большинства современных теорий – в том числе, конечно, и тех, что успели сменить друг друга на протяжении последних 30-40 лет. Вместе с тем, эта проблема далека от окончательного решения – ведь в данном случае решение в очень сильной степени зависит от природы теоретического аппарата, которым пользуется исследователь. Смена парадигмы в науке требует обращения к понятиям, составляющим основания этой науки, а понятие грамматического, несомненно, принадлежит к их числу. Предшествующие попытки описания грамматических значений во многом делались в рамках “дискретного” подхода и не принимали во внимание (либо недостаточно учитывали) периферийные области грамматического. Как представляется, осознание правомерности “недискретной альтернативы” в лингвистике требует обращения к этой традиционно трудной области с тем, чтобы попытаться, используя новый понятийный аппарат, представить классические грамматические категории как

частный случай некоторого более общего – и более “цельного” с когнитивной точки зрения – явления.

3. Научная новизна работы

Новым в данной работе является как сам подход к изучаемой области, так и целый ряд конкретных предложений и результатов.

Из современных теоретических направлений исследование в наибольшей степени опирается на “диахроническую морфологию” Джоан Байби и отечественные традиции грамматической семантики (работы А.В.Бондарко, Т.В.Булыгиной, М.Я.Гловинской, А.А.Зализняка, А.Е.Кибрика, И.А.Мельчука и др., а также работы Петербургской типологической школы по описанию грамматических категорий глагола в языках мира, начатые А.А.Холодовичем и продолженные В.П.Недялковым, В.С.Храковским и др.). Однако ни одно из названных направлений не занималось непосредственно задачей описания “грамматической периферии” в типологическом контексте. Помимо общих предложений для разработки возможного концептуального аппарата в этой области, основанных на понятии Универсального грамматического набора, семантической зоны, грамматической периферии, аналогов и заместителей грамматических категорий, и др., в исследовании предлагается более детальный теоретический анализ целого ряда областей, известных своею сложностью. К их числу прежде всего относятся: проблемы морфологического нуля, типология аспектуальных и залоговых категорий (особенно связанных с выражением достигнутого или недостигнутого результата), место глагольных “конструкций” в грамматике языка (и, в связи с этим, проблема описания лексико-грамматического и морфо-синтаксического континуума), и некоторые другие.

К конкретным научным результатам работы можно отнести: выделение и типологическое описание категории антирезультатива, классификацию перфективных значений и выделение трех типов перфективных систем в языках мира, построение единой типологической классификации для семантической зоны залога и актантной деривации, описание нескольких периферийных синтаксических конструкций “с удвоением” в русском языке, описание эвиденциальных конструкций в языке догон, и др.

4. Метод и материал исследования

Работа опирается на совокупность фактов, характеризующих грамматические системы разных языков мира; помимо широко используемых фактов русского языка (в частности, при описании перфектива, результативности, залога и др. семантических зон), в исследовании анализируются факты многих европейских, азиатских и африканских языков, полученные из существующих грамматических описаний либо на основе специально разработанных типологических анкет. В некоторых случаях использованы результаты полевой работы автора с носителями языков Западной Африки (эве, волоф, дьола); ряд данных по этим языкам вводится в научный оборот впервые.

Особое место в работе занимает материал генетически изолированного западно-африканского языка догон (Мали), исследованию которого автор посвятил более пятнадцати лет; своеобразие именных и глагольных категорий этого языка (практически не отраженное в предшествующей лингвистической

литературе) неизменно служило стимулом для нестандартных типологических решений и теоретических обобщений.

5. Научно-практическая значимость работы

Полученные результаты могут иметь разнообразное применение. Уточнение, пересмотр и унификация ряда ключевых терминологических областей, предпринятые в диссертации, могут способствовать улучшению практической работы как по описанию грамматических систем языков мира, так и в области лексикографии (причем, как показано в исследовании, это может быть актуально далеко не только для “экзотических” языков).

Многие положения работы могут быть использованы непосредственно в преподавательской практике (и частично уже использовались автором в ходе чтения ряда общих и специальных курсов на филологическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова и на факультете теоретической и прикладной лингвистики РГГУ). Концепция работы может служить основой современного введения как в общую теорию языка, так и в проблемы морфологии, типологии и грамматической семантики. Самостоятельную ценность в этом отношении имеет и значительная по объему обзорная часть в составе Главы I, подводящая итог развитию грамматических теорий на современном этапе.

6. Апробация работы

Основные положения данного исследования изложены в нескольких десятках опубликованных работ автора (на русском, английском, французском и немецком языках) и неоднократно были предметом сообщений и докладов на лингвистических семинарах в Москве (Институт языкознания РАН, Институт проблем передачи информации РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, РГГУ) и в Санкт-Петербурге (Институт лингвистических исследований РАН), а также на российских и международных научных конференциях (в Москве, Санкт-Петербурге, Праге, Вене, Лозанне, Лейпциге и др.).

Диссертация обсуждалась на заседании Отдела африканских языков Института языкознания РАН.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех частей (I. “Грамматические категории: центр и периферия”; II. “Структурная периферия: аналоги”; III. “Функциональная периферия: заместители”), заключения и библиографии. Ниже излагается краткое содержание каждой части.

I.

Часть I (“Грамматические категории: центр и периферия”) посвящена истории вопроса, а также общим проблемам определения грамматического значения и обоснованию внутренней неоднородности области грамматического в языке; в заключительном разделе вводится понятие грамматической периферии.

Данная часть состоит из двух глав: 1) “Современное состояние теории грамматики” и 2) “Грамматическая периферия”.

В *первой главе* предпринимается попытка очертить тот теоретический фон, на котором в течение последних десятилетий происходили дискуссии о природе грамматического значения и формулировались различные (иногда прямо противоположные) концепции. Мы не ставим задачу дать исчерпывающий обзор современных грамматических теорий и тем более их истории; нас интересует в первую очередь общая динамика развития лингвистической мысли, процесс смены парадигмы и постепенное движение от структуралистских теорий языка к альтернативным подходам – этот процесс играет центральную роль в развитии современной лингвистики начиная по крайней мере с конца 50-х годов нашего века. Разумеется, существующие лингвистические теории интересуют нас постольку, поскольку они уделяют внимание проблемам грамматики (и особенно грамматической семантики и грамматической типологии); этим объясняется то обстоятельство, что мы практически не рассматриваем различные (в том числе и очень влиятельные) “формальные” теории языка (за одним исключением: особенности трактовки грамматических значений в генеративной теории обсуждаются достаточно подробно).

Теория грамматики, с одной стороны, является центральной частью теории языка, и говорить об истории грамматических теорий значит в некотором смысле говорить об истории современной лингвистики в целом. С другой стороны, исследовательские приоритеты (и, если угодно, научная мода) на протяжении последних десятилетий несколько раз существенно менялись, и с этой точки зрения проблема грамматических категорий часто уступала место другим. Наиболее заметная корреляция существует между интересом к теории грамматики и интересом к общим проблемам морфологии: в те периоды развития лингвистики, когда морфология уступала место синтаксису, снижалась и активность исследований по теории грамматики. Верно также обратное: первая волна интереса к грамматической проблематике в текущем столетии связана с перенесением аппарата структуралистской фонологии в морфологию

(Якобсон, Кантино и др.); точно так же, последние годы, отмеченные своего рода “морфологическим ренессансом”, вызвали к жизни и бурные дискуссии о проблемах грамматического в языке. Такая связь понятна: прототипически, выражение грамматических значений осуществляется морфологическими средствами, т.е. в пределах словоформы, и теорию грамматики естественно мыслить просто как обращение к содержательной стороне морфологических единиц. И хотя такое отождествление не вполне правомерно с точки зрения грамматической типологии (в любом языке существуют грамматические показатели, которые являются морфологически самостоятельными словоформами, а в некоторых – “аналитических” в традиционной терминологии – языках таких показателей подавляющее большинство), с точки зрения истории науки его можно принять.

В целом, динамика развития грамматических (морфологических) теорий определялась движением от структурализма к генеративизму (с временным спадом интереса к проблемам морфологии) и от генеративизма – к функциональному и когнитивному направлению, вернувшему морфологии ее центральное место в модели языка. Впрочем, в современной генеративной теории также наблюдается оживление интереса к морфологической проблематике, поскольку понятие слова в 70-е гг. получило в ней теоретический статус (в связи с проблемой разграничения “лексических” и “синтаксических” феноменов). В функционально-когнитивном направлении, представляющем сейчас наиболее заметную альтернативу генеративному подходу, интерес к морфологии связан с общей тенденцией к поиску внеязыковых объяснений языковых фактов; это направление противостоит всей предшествующей традиции, объявлявшей морфологию наиболее “произвольным” и “иррациональным” компонентом языка. Такое отношение было характерно как для традиционной лингвистики, так и для генеративной, с ее подчеркнутым интересом к универсальным закономерностям устройства языка: предполагалось, что на уровне морфологии таковых обнаружить нельзя. Между тем, работы целого ряда исследователей (в первую очередь Джоан Байби, а также – в несколько иной перспективе – Анны Вежицкой) позволили взглянуть на морфологические структуры естественных языков не как на пыльный склад фактов, расположенный на обочине “рационального” синтаксиса, а как на самостоятельную, сложно организованную, но “осмысленную” систему, в строении которой прослеживаются четкие закономерности: это относится в равной степени и к явлениям линейной структуры словоформы, и к явлениям грамматической семантики.

В нескольких самостоятельных разделах первой главы последовательно рассматриваются структуралистские, генеративные, “натуралистские”, когнитивные и функционально-типологические теории морфологии и грамматики.

Структуралистские концепции морфологии и до сих пор, по-видимому, принадлежат к наиболее влиятельным; долгое время морфологическая теория вообще была возможна только в рамках структуралистских моделей, и такое положение во многом сохраняется и в настоящее время (в частности, в дескриптивной лингвистике); анализ структуралистского наследия особенно актуален для истории отечественной лингвистики, где это направление в течение нескольких десятилетий было господствующим. К бесспорным теоретическим заслугам структурализма относится разработка базового

понятийного аппарата грамматики (граммемы и грамматические оппозиции), уточнение традиционных понятий грамматической категории и парадигмы, введение понятия обязательности как основного свойства грамматических значений, и др. Признаковый анализ грамматических значений, заимствованный из фонологии, оказался в грамматической семантике гораздо более долговечен и устойчив, чем в лексической семантике, где его неадекватность стала очевидна достаточно быстро. Ограничения структуралистского подхода связаны с двумя ключевыми постулатами структурных моделей языка: первый из них в работе называется постулатом об изоморфизме формы и значения, второй – постулатом о релятивизме (грамматического) значения. Изоморфизм формы и значения предполагает следование принципу моносемии, или “одна форма – одно значение”, что обязывает исследователя к поиску так называемых инвариантов грамматических значений. В качестве таковых в грамматике часто фигурируют не реальные значения, а просто условные признаковые имена граммем (“давнопрошедшее время”, “собирательность”, “конъюнктив-2”, и т.п.), соотносящиеся с языковыми формами. В силу второго постулата предполагается, что в каждом языке значения таких форм уникальны, поскольку определяются системой внутриязыковых противопоставлений: значение языковой единицы в конечном счете производно от ее места в языковой системе. Прошедшее время, например, в русском и латинском языке являются, согласно такому подходу, разными сущностями (носящими одинаковые названия, вообще говоря, случайно), поскольку участвуют в разных оппозициях внутри системы глагольных форм каждого языка; грамматические системы разных языков, в общем случае, несравнимы.

Классический структурализм по своей сути атипологичен и асемантичен; другой его чертой, как известно, является требование строго синхронного анализа языковых фактов. Отклонения от этого структуралистского “канона” в разной степени проявляются, однако, уже у многих теоретиков классического структурализма (в работе, в частности, рассматриваются морфологические концепции Е.Куриловича и Э.Косериу), но в наиболее ярком виде – пожалуй, у Р.О.Якобсона, заложившего основы как грамматической типологии, так и диахронической грамматики; впоследствии эту линию Якобсона особенно убедительно продолжил Дж.Гринберг (опираясь во многом и на идеи Э.Сепира). Преодоление ограничений структурного подхода и было связано, главным образом, с развитием типологических и диахронических исследований.

Генеративная теория в этом смысле не явилась альтернативой структурному подходу, а в какой-то степени оказалась его продолжением. До сравнительно недавнего времени генеративная теория вообще не интересовалась ни проблемами грамматической семантики, ни проблемами морфологии (последняя включалась в “фонологический компонент” языка в ранних моделях Хомского-Халле). Впоследствии морфологический компонент все-таки приобрел в ней самостоятельное место, хотя и во многих современных авторитетных разновидностях генеративных моделей различиям, например, между словоформой и аффиксом (как в модели Р.Либера) или между словоизменительными и словообразовательными показателями (как в модели А.-М.Ди Шулло-Э.Вилльямза) по-прежнему не придается теоретического статуса; устройство словоформы часто анализируется с помощью аппарата для описания синтаксических структур предложения (как в модели Э.Селкирка, отчасти также у М.Бейкера, А.Марантца, Д.Песецкого и др.).

Наиболее интересна для морфологической теории модель “расщепленной морфологии” Стивена Андерсона. Эта концепция обсуждается в работе наиболее подробно. Согласно Андерсону, в модели языка должен существовать особый морфологический компонент, поскольку имеются такие особенности структуры слова (и формальные, и содержательные), которые не могут быть описаны ни с помощью “лексических”, ни с помощью “синтаксических” правил. Но не все факты, традиционно относимые к морфологии, считаются феноменами морфологического уровня в модели Андерсона: в качестве таковых выступает в первую очередь словоизменяющая, но не словообразовательная морфология (отсюда и название теории). Тем самым, для данной теории оказывается релевантным традиционное деление морфологических показателей на словообразовательные и словоизменяющие (напомним, в принципе отрицаемое другими теоретиками генеративизма); однако в качестве критерия для проведения границы Андерсон выбирает лишь один признак – “синтаксическую релевантность” (само это понятие не вполне четко определяется им, но в принципе коррелирует с хорошо известным делением грамматических значений на синтаксические – или реляционные – и несинтаксические; последние Андерсон предлагает считать частью лексического компонента модели).

Модель Андерсона является некоторым шагом вперед с точки зрения внутренней динамики развития генеративной теории, но его концепция во многих отношениях уязвима. Для тех лингвистов, которые признают существенным бинарное противопоставление словоизменяющих и словообразовательных значений, критерии Андерсона с их опорой на одну лишь синтаксическую релевантность выглядят слишком грубыми и/или недостаточными: так, в “расщепленной” модели нужно либо специально доказывать синтаксическую природу, например, глагольного вида, либо объявлять все аспектуальные противопоставления словообразовательными – оба решения приводят к слишком сильному упрощению картины. С другой стороны, для тех лингвистов, которые признают градуальный, а не бинарный характер этого противопоставления, жесткая “структуралистская” логика Андерсона тем более неприемлема, поскольку заставляет описывать в разных компонентах модели явления глубинно сходные и тесно связанные друг с другом как функционально, так и диахронически.

Более глубокой альтернативой структурному (и генеративному) подходу являются современные теории морфологии, так или иначе связанные с когнитивным направлением: “естественная морфология” В.Дресслера, В.Вурцеля и др.; функциональная и когнитивная морфология (Дж.Байби, Т.Гивон, Ф.Планк и др.); “теория грамматикализации” (Х.Леман, Б.Хайне и др.). Их объединяет в первую очередь стремление к поиску таких объяснений устройству естественного языка, которые исходят из более общих семиотических механизмов и/или закономерностей человеческого поведения (а не опираются на самостоятельную “языковую компетенцию”, как у генеративистов). Другой важной особенностью теорий этого круга является опора не только на факты синхронной грамматики, но и на факты истории языка, усвоения языка детьми и языковой патологии: предлагаемые объяснения должны быть релевантны для всех этих областей и учитывать все факты, относящиеся к функционированию языковой системы.

В области теории грамматики именно для этих подходов характерен наиболее решительный разрыв со структуралистскими постулатами изоморфизма и релятивизма. Данное направление отвергает идею моносемии грамматических показателей (как и лексических единиц), предпочитая видеть в разных употреблениях одного показателя континуум, элементы которого связаны друг с другом отношениями “семейного сходства” и в принципе могут и не иметь в своем значении общую часть; взамен, однако, предлагается идея семиотического иконизма устройства языковых единиц (словоформ и синтаксических конструкций). Сами же значения языковых единиц рассматриваются не только и не столько как производная внутрисистемных отношений, а как выражающие определенную (и системно-независимую) семантическую субстанцию; такой “субстанциональный” подход (наиболее последовательным сторонником которого выступает Джоан Байби) открывает возможность для типологических исследований грамматических систем естественных языков; внутрисистемные же отношения являются лишь вторичной языковой адаптацией универсальной семантической субстанции. Существенно, что в рамках данной системы взглядов практически не оказывается места для “произвольных” явлений или “семантически пустых” элементов, которые в изобилии возникали на страницах структуралистских описаний: каждая языковая система является мотивированной и особенности ее устройства всегда имеют функциональное и/или историческое объяснение.

В целом пафос теорий типа теории Байби или Гивона можно определить как пафос “упразднения границ”, снятия многочисленных перегородок между языковыми явлениями, порожденных структурно-генеративным этапом развития лингвистики. Отрицается (нередко в полемически заостренной форме) наличие полярных противопоставлений между синхронией и диахронией, между словарем и грамматикой, между семантикой и прагматикой (в частности, между “семантической” и “энциклопедической” информацией), между словоформой и аффиксом, и т.д., и т.п. На смену удобной и логичной (но во многом искусственной) модели структурализма приходит зыбкая, нестрогая, аморфная (но, по-видимому, более близкая к реальности) модель, ориентированная непосредственно на человеческое восприятие мира, с ускользающими от “строгих определений” и непрерывно перетекающими друг в друга категориями.

Данная работа, отнюдь не разделяя всех положений когнитивной морфологии, тем не менее в целом признает необходимость “недискретной альтернативы” в лингвистике; само понятие грамматической периферии является попыткой более гибкого описания фактов, относящихся к области грамматического.

В заключительном разделе первой главы дается краткая характеристика той области лингвистики, которую чаще всего называют “грамматической типологией” (она восходит к опытам Дж.Гринберга и Дж.Лайонза и представлена на современном этапе исследованиями Э.Даля, Б.Комри, Ф.Палмера, Р.Диксона и др.; в России это прежде всего работы школы А.А.Холодовича). Грамматическая типология существенна для нас прежде всего как практическое восполнение недостатков структурного (релятивистского) подхода к грамматике и как попытка, преодолев европоцентризм, выработать теоретические основания и – в особенности – эмпирическую базу для сравнения грамматических систем разных языков. Представляется, что центральной для

грамматической типологии должна быть идея “универсального пространства типологических возможностей” – пространства, по отношению к которому каждая конкретная языковая система является некоторой редуцированной и преобразованной реализацией. Для описания такого пространства в последующих главах нами предлагается рабочий термин “Универсальный грамматический набор”; здесь же подчеркивается, что данная идея не случайно имела предшественников прежде всего в числе лингвистов, ориентировавшихся на типологические исследования глагольных категорий (Джоан Байби и Эстен Даль).

Во *второй главе* кратко рассматриваются теоретические аспекты взаимодействия “канонических” и “неканонических” элементов внутри области грамматического в языке. Обсуждается также понятие обязательности и его роль в организации грамматических систем в естественных языках; вводится и комментируется понятие грамматической периферии.

Из самой природы грамматического значения вытекают те хорошо известные трудности, которые связаны с попытками точно определить объем таких понятий, как грамматическая категория, словоизменительное и словообразовательное значения, обязательность, регулярность и т.п.

В свое время – и в другой работе с несколько иными интенциями – нами была предпринята попытка более точно очертить свойства явлений, принадлежащих к этой области, и указать некоторые дополнительные критерии, полезные для разграничения словоизменительных и несловоизменительных значений на основе свойства обязательности (в частности, так называемые непривативность и семантическая неоднородность; см. об этом прежде всего нашу книгу 1992 г.). Надо сказать, что тех пор эта проблема – условно ее можно обозначить как проблему *проведения границ* внутри области грамматического – продолжала широко обсуждаться как в отечественной, так и в зарубежной литературе; достаточно назвать публикации С.Скализе, В.Дресслера, Ф.Планка, К.Чвани, И.А.Мельчука, Е.С.Масловой, Н.В.Перцова, где предлагаются решения, как близкие по духу к нашему подходу 1988-1992 гг., так и основанные на иных критериях.

В данной работе, однако, мы хотели бы взглянуть на эту проблему под иным углом зрения и противопоставить “разделительной” логике – “объединительную”, сосредоточив основное внимание на переходных случаях (которые остаются переходными, вообще говоря, совершенно независимо от того, как будет решаться вопрос о “проведении границ” каждой конкретной теорией).

Мы хотели бы прежде всего обратить внимание на тот факт, что ядро грамматической зоны формируется вокруг обязательно выражаемых значений (этот факт имеет и вполне отчетливую когнитивную интерпретацию). В лингвистической литературе существуют попытки исключить обязательность из числа необходимых свойств словоизменительной категории; при таком подходе считается, что грамматические значения могут выражаться как в составе (обязательных) грамем, так и с помощью (необязательных, но регулярных) “квазиграмм” (сам этот термин был предложен в недавних работах И.А.Мельчука и подробно обсуждается в его “Курсе общей морфологии”). Безусловно, граммы и квазиграммы можно объединять, включая их в один класс “словоизменительных” значений; но столь же безусловно при этом, что обязательные граммы являются “более грамматическими” сущностями, чем

необязательные квазиграммемы; именно это последнее обстоятельство и определяет направление нашего исследования.

Понятие грамматического (словоизменительного) значения (англ. “grammatical”, или “inflectional” meaning – в данном случае оба термина можно употреблять как синонимы) много десятилетий преследует лингвистов своей неуловимостью. В духе лингвистики 90-х гг. следовало бы, конечно, сказать, что грамматическое значение – один из самых ярких образцов того, что называется “не-аристотелевской категорией”, т.е. феномен, единство которого обеспечивается не набором необходимых и достаточных признаков, а сходством “прототипа” с более или менее близкими к нему явлениями, плавно перетекающими друг в друга; в результате между двумя произвольными непрототипическими манифестациями грамматических единиц, может, вообще говоря, и не быть ничего общего (или быть настолько мало общего, что поиск классического их “определения” теряет смысл).

Содержательный подход к описанию грамматических значений, как представляется, не должен строиться на поиске “любой ценой” формальных коррелятов, отличающих эти значения от других: когда таких коррелятов не оказывается, многие исследователи спешат – в духе Ди Шулло и Вилльямза – сделать утверждение о том, что понятие грамматического вообще не имеет теоретического статуса. Между тем, это понятие оказывается очень важным для описания языка, если исходить из того положения, что во всяком языке есть группа *привилегированных* значений, которым языковая система обеспечивает некоторый особый статус; как уже было сказано, эти значения в целом не произвольны, они входят в ограниченный универсальный грамматический набор, из которого каждый язык заимствует свое подмножество смыслов.

Именно грамматические значения отражают своеобразие каждой языковой системы: когда мы говорим о неизоморфности разных языков, об их непохожести друг на друга, мы имеем в виду прежде всего (или даже исключительно) непохожесть и неизоморфность их грамматических систем.

Эти очень общие рассуждения необходимы нам для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что грамматические значения существуют: они не выдумка теоретиков, а отражение некоторых фундаментальных свойств человеческого языка. Познание всегда асимметрично: одни фрагменты действительности человек склонен воспринимать как бы через увеличительное стекло, тогда как другие – как бы через перевернутый бинокль. “Когнитивная деформация” реальности – одно из основных свойств человеческого познания. Грамматические значения – это именно те значения, которые попадают в поле зрения увеличительного стекла; это наиболее *важные* для использующего данную языковую систему значения.

Из этого свойства – можно говорить о нем как о “когнитивной выделенности” – следуют и все остальные свойства грамматических значений (в том числе, если таковые найдутся, то и формальные свойства; но они являются именно следствиями свойств содержательных).

Ближайшим же коррелятом когнитивной выделенности является то, что традиционно было принято называть обязательностью (*obligatoriness*) грамматических значений. Напомним, что в современной лингвистике это понятие связывается с именем Р.О.Якобсона (независимо от того, что Якобсон, скорее всего, был отнюдь не первый лингвист, использовавший данный термин). Это ключевое понятие теории грамматики было сформулировано

Якобсоном в кратком фрагменте “Boas’ view on grammatical meaning”, опубликованном в 1959 г. Внимательное прочтение этого текста (не вполне типичного для Якобсона особой сосредоточенностью на личности другого лингвиста и своего рода “деперсонализированностью”) оставляет целый ряд вопросов. Основная проблема состоит в том, что более поздние апелляции к якобсоновскому определению использовали, по существу, совсем другие критерии. Так, в ряде популярных у нас в 60-е годы концепций попытки поиска более формальных критериев грамматичности привели к тому, что обязательность стала пониматься скорее не как выбор, навязываемый грамматикой говорящему, а как обязательное присутствие какого-либо показателя из определенного заранее заданного набора в тексте; иными словами, это была обязательность с точки зрения анализа, а не синтеза, и с точки зрения адресата, а не говорящего.

Так или иначе, существуют проблемы, для решения которых апелляция к понятию обязательности представляется уместной; одной из них является известная проблема морфологического нуля, которую, с нашей точки зрения, можно решить оптимальным образом, ориентируясь прежде всего на центральные компоненты области грамматического. Напротив, проблема описания “контекстно вытеснимых” показателей требует обращения именно к понятию грамматической периферии. Обе эти проблемы последовательно разбираются в данной главе.

Выделение некоторой лингвистической единицы, называемой “нулевой”, всегда основывалось не столько на наблюдаемых данных, сколько на определенных теоретических соображениях (точнее, основывалось на теоретических соображениях в большей степени, чем выделение “обычных”, т.е. ненулевых единиц, имеющих сегментное означающее); отсюда следует, что для решения “проблемы нуля” в том или ином фрагменте лингвистического описания всегда необходимо предварительное решение целого ряда достаточно “абстрактных” теоретических вопросов. Проблема нуля в морфологии, хотя и может показаться относительно более простой, тем не менее также не является исключением. Суть этой проблемы, коротко говоря, состоит в выборе между двумя описательными решениями: (i) считать, что морфологическое представление некоторой словоформы в некотором языке содержит в позиции *n* особый “нулевой элемент” (т.е. морфу, имеющую “внутреннюю сторону”, но не имеющую “внешней”), или (ii) считать, что морфологическое представление той же самой словоформы ничего не содержит в позиции *n*, т.е., позиция *n* пуста.

Очевидно, что разбиение морфологических оппозиций на два класса (порождающие и не порождающие нуль) должно быть поставлено в зависимость от их разбиения по некоторому другому признаку; таким признаком в работе и предлагается считать обязательность (в ее уточненном понимании). Иными словами, только грамматические (эквивалентные) оппозиции признаются порождающими нуль, так как только в этом случае отсутствие морфологической единицы в некоторой ожидаемой позиции передает совершенно определенную информацию. В случае неграмматических (привативных) оппозиций выделение нулевых единиц привело бы к неоправданным теоретическим трудностям: действительно, отсутствие, например, диминутивного показателя у субстантивной словоформы свидетельствует лишь о неопределенности по этому признаку, о его

невывраженности, а вовсе не является носителем какого-либо “положительного” значения.

Нулевые морфологические единицы – сравнительно редкий пример того, когда деление значений на грамматические и неграмматические оказывается востребовано в своей максимально жесткой форме и, в общем, не требует апелляции к градуальному характеру этого противопоставления. Более интересны, однако, такие случаи, когда лингвист вынужден постулировать целый ряд явлений переходного характера; эти случаи рассматриваются в заключительном разделе второй главы в рамках проблемы “контекстно вытеснимых” показателей.

Обращая особое внимание на явления подобного рода, мы руководствуемся тем, что свойства “эталонных” грамматических показателей в настоящее время известны лучше, чем свойства переходных, промежуточных явлений, но теория грамматики окажется заведомо неполна без учета феноменов такой промежуточной “серой зоны” – ведь тогда, скорее всего, и то, что мы знаем о бесспорных грамматических элементах, будет восприниматься иначе, поскольку эти сведения окажутся лишь частью более общей картины. Для обозначения этого нового объекта исследований нам представляется удобным термин “грамматическая периферия”, которым мы и будем пользоваться ниже.

К грамматической периферии в первую очередь относятся, конечно, те элементы, которые, не обладая свойством обязательности, обладают рядом других свойств, дающих некоторое внешнее сходство с обязательными элементами (например, потому, что эти свойства сами могут являться следствиями из свойства обязательности). Это не обязательные, но регулярные показатели, формирующие так называемое стандартное словообразование (мы также предлагали термин “неограниченно-продуктивного словообразование”): таковы, например, показатели порядковых числительных (в тех языках, где они морфологически стандартны) или показатели типа английского “агентивного” суффикса *-er*. Такого рода показатели можно найти при каждой основе из соответствующего класса и однозначно предсказать значение производного (конечно, исключения возможны и здесь, но их число должно быть сопоставимо с числом таких же отклонений, неизбежно возникающих и у грамматических показателей и традиционно описываемых как “дефектность” или “лексикализация”).

В данном разделе, однако, грамматическая периферия подобного рода не рассматривается. Здесь мы хотели бы обсудить другой вопрос: возможна ли градация по степени грамматичности *внутри* области обязательных показателей – той области, которая традиционно всегда представлялась вполне гомогенной. Между тем, эта гомогенность *a priori* отнюдь не является очевидной – ведь если рассматривать грамматичность как постепенно приобретаемое (в ходе языковой эволюции) свойство, то появление у языкового элемента обязательности может и не означать прекращения эволюции в том же направлении. Иными словами, как это ни парадоксально на первый взгляд, такая ситуация означает, что сами грамматические показатели будут способны противопоставляться друг другу как “более” и “менее” обязательные.

В качестве наиболее очевидного случая такого рода можно указать поведение определенного артикля “европейского типа”: как известно, показатели, например, определенности не употребляются в языках типа английского или французского в том случае, если при имени уже имеется

некоторый лексический элемент, выражающий определенность (например, указательное местоимение – подробнее см. ниже). В таких случаях и предлагается говорить о *контекстно вытеснимых* граммемах: их употребление блокируется теми контекстами (для простоты ограничимся здесь и далее контекстом одного предложения), где уже присутствует некоторый другой (неграмматический) элемент, выражающий аналогичное значение.

Контекстно вытеснимые показатели заслуживают особого рассмотрения, поскольку именно они подвергает понятие обязательности более серьезному испытанию, чем все ранее упоминавшиеся элементы грамматической периферии.

Действительно, классическое, “якобсоновское” понимание обязательности (т.е., как было показано выше, с точки зрения синтеза текста) предполагает, что говорящий, употребляя словоформу из соответствующего класса, обязан при ней выразить какую-либо граммему соответствующей категории; в какой-то ситуации это означает, напомним, что говорящий обязан выразить некоторый смысл независимо от того, входит ли это в его намерения. И вот в этом-то случае и уместно задаться вопросом – как следует поступать говорящему, если соответствующий смысл уже выражен в предложении. С одной стороны, этот смысл можно выразить еще раз – и в большинстве случаев говорящие так и поступают (не случайно лингвисты многократно подчеркивали связь между грамматичностью и избыточностью, поскольку второе оказывается естественным следствием первого). С другой стороны, в каких-то случаях этот смысл можно и не выражать – прежде всего в тех, когда уже присутствующие в предложении носители этого смысла могут с высокой степенью вероятности быть восприняты как формальные “заместители” соответствующей граммемы (например, они синтаксически подчинены искомой словоформе, занимают при ней ту же морфологическую или синтаксическую позицию, что и грамматические показатели, и т.п. – ср. отношение между английским артиклем и указательными местоимениями). Тогда требование обязательности с точки зрения синтеза будет формально соблюдено, но вместе с тем говорящий как бы экономит на выражении граммемы, поручая это другим элементам с той же семантической функцией. С точки зрения “буквы” грамматического закона мы не можем ни в чем упрекнуть такого “ленивого” говорящего: он отыскал ту единственную лазейку, которая, как кажется, позволяет ему выразить нужное ему значение грамматической категории, одновременно не выражая его. Но, конечно, при оценке степени грамматичности такие “контекстно вытеснимые” показатели будут уступать стандартным, контекстно избыточным показателям (при том, что, повторим, и те и другие с формальной точки зрения, видимо, следует признавать обязательными).

Итак, оказывается, что на шкале грамматичности внутри зоны обязательности обнаруживаются градации – обязательные избыточные показатели (употребляющиеся в любом контексте) противопоставляются обязательным, но контекстно вытеснимым показателям, которые не употребляются тогда, когда соответствующая позиция занята функционально эквивалентной им единицей. Такая обязательность, безусловно, является в каком-то смысле менее полноценной, и, следовательно, контекстно вытеснимые показатели образуют класс более слабых грамматических показателей по сравнению с контекстно избыточными.

С диахронической точки зрения, контекстную избыточность естественно было бы рассматривать как последнее дополнительное свойство, приобретаемое показателями в процессе их грамматикализации; и хотя эта гипотеза нуждается в проверке, мы можем уже сейчас указать достаточно большое число языков, обладающих контекстно вытеснимыми грамматическими показателями.

Условия, которые благоприятствуют появлению контекстно вытеснимых показателей – это неморфологическая природа такого показателя. При грамматикализации этот показатель выделяется из числа других элементов со сходными семантическими функциями и начинает употребляться в гораздо большем числе контекстов; однако между ним и элементами его первоначального класса продолжают сохраняться отношения взаимоисключительности. Так, определенный артикль по своему происхождению связан с дейктическими и анафорическими показателями (исходно артикль просто является одним из таких местоимений); расширяя круг допустимых контекстов, он, однако, продолжает сохранять ограничения на сочетаемость с дейктическими местоимениями, к числу которых он сам прежде относился, и с некоторыми другими элементами, содержащими указание на определенность объекта. Таким образом, контекстно вытеснимые показатели – это выделившиеся из некоторого закрытого класса и значительно расширившие свою сочетаемость элементы, которые, однако, так сказать, продолжают сохранять память о своей первоначальной принадлежности: ограничения на их сочетаемость в значительной степени отражают ограничения на сочетаемость породившего их класса.

Показатели детерминации в английском языке – в этом смысле очень характерные представители контекстно вытеснимых показателей. Как неопределенный артикль не употребляется в контексте неопределенных (типа *some, any* и др.) и вопросительных (типа *which*) местоимений, так определенный артикль не употребляется в контексте указательных (*this, that*) и притяжательных (*my, their* и т.п.) местоимений (а также их синтаксического эквивалента – именной группы с притяжательным показателем *'s*). Отметим сразу неполную семантическую детерминированность этих ограничений (что абсолютно естественно для показателей грамматической категории) – так например, местоимение *the same* ‘тот же самый’ включает определенный артикль в качестве обязательного элемента, а местоимение *all* ‘весь; все’ допускает как наличие, так и отсутствие определенного артикля (в общем, в соответствии с базовым семантическим правилом его употребления). Заметим, далее, что контекстная вытеснимость артикля проявляется не только в местоименных контекстах, но и в сочетании с ингерентно определенными существительными, прежде всего с личными именами людей (географические названия ведут себя здесь менее последовательно).

Типологически ситуация в английском языке крайне характерна для контекстно вытеснимых показателей. Другие европейские языки демонстрируют сходный набор правил, с небольшими отклонениями в сторону большей / меньшей грамматикализованности артиклей.

С другой стороны, в ряде языков может наблюдаться еще более сильная контекстная вытеснимость артикля, чем в европейских языках. Так, в языке догон, по нашим данным, определенный артикль не употребляется не только во всех контекстах, перечисленных выше, но и с ингерентно определенными существительными с презумпцией единственности (типа ‘луна’).

Вместе с тем, показатели детерминации – один из наиболее ярких, но далеко не единственный случай такого типа. Из известных нам примеров рассмотрим еще грамматические показатели числа существительного, а также времени и вида глагола.

Языки с грамматическими показателями числа отчетливо распадаются на два класса по отношению к поведению существительных в контекстах с эксплицитным указанием на количество денотатов именной группы (с помощью числительных и кванторных слов типа ‘много’, ‘несколько’, местоимений типа ‘сколько’ и т.п.) – в дальнейшем мы будем называть их контекстами “эксплицитной множественности”. В одних языках показатель множественного числа в контекстах эксплицитной множественности должен обязательно присутствовать (несмотря на его семантическую избыточность); в других языках, напротив, именно в этих контекстах употребление показателя множественности исключено (подчеркнем, что во всех случаях речь идет только о языках с грамматикализованным противопоставлением по числу). К наиболее известным представителям языков второго типа относятся уральские и алтайские языки (в частности, венгерский, тюркские, монгольские); но контекстная вытеснимость показателя множественного числа встречается и в других языках. Подобные свойства давали основание многим исследователям вообще сомневаться в грамматическом статусе числа в языках такого типа. Хотя, безусловно, контекстная вытеснимость свидетельствует о не самой высокой степени грамматичности, тем не менее, с нашей точки зрения, сама по себе она еще не свидетельствует об отсутствии обязательности: выражение числа перепоручается лексическим элементам, но эта грамма все же выражается – в отличие от случаев явного отсутствия обязательности, когда существительное в предложении никак не охарактеризовано в отношении числа.

Что касается показателей времени глагола, то в целом ряде языков встречается ситуация, когда присутствие в предложении обстоятельств времени (или других слов временной семантики из определенного класса) блокирует употребление показателей времени. Характерный случай такого рода представлен в языке мам (группа майя): время маркируется аналитическим показателем, стоящим в начале предложения, но если в этой же позиции употребляется обстоятельство временной локализации (типа ‘вчера’), то показатель времени не употребляется. До некоторой степени сходную ситуацию можно усмотреть в китайском языке по отношению к показателю прошедшего времени *-le*, однако неясно, до какой степени сам этот показатель можно в китайском языке рассматривать как грамматический. Еще один любопытный пример, связанный уже с контекстной вытеснимостью вида, можно найти в глагольной системе языка чаморро (австронезийской семьи), где редуцированная форма глагола, являющаяся показателем дуратива / итератива, не употребляется в контексте лексических показателей типа ‘весь день’, ‘часто’, ‘все время’, континуативного глагола ‘продолжать’, и др.; вместо нее в таких случаях используется форма так наз. “нейтрального вида”.

Все эти (и многие другие) примеры подтверждают: феномен контекстной вытеснимости существует и занимает совершенно определенное место на шкале грамматичности. Контекстная вытеснимость – это свойство слабо грамматикализованных обязательных показателей, “верхней границы” грамматической периферии.

II.

В Части II (“Структурная периферия: аналоги”) предлагается анализ нескольких пограничных феноменов в области грамматического – “аналогов” грамматических категорий. Речь идет о значениях, по тем или иным причинам не имеющих грамматического статуса, но близких к эталонным грамматическим значениям по целому ряду свойств.

Для рассмотрения нами выбраны такие области, в которых проведение границы между грамматическим и неграмматическим всегда было предметом наиболее острых дискуссий. В первой главе с единых теоретических позиций описана семантическая зона залога и актантной деривации, совмещающая как типично словоизменительные, так и типично словообразовательные значения. Во второй главе рассматривается феномен так называемых глагольных конструкций и их место в лексико-грамматическом континууме. С этой точки зрения, наиболее подробно обсуждаются сериальные глагольные конструкции (главным образом, на материале языков Западной Африки) и конструкции с повтором (главным образом, на материале русского языка).

Первая глава (“Залог и актантная деривация: между словоизменением и словообразованием”) содержит анализ и классификацию основных противопоставлений, связанных с выражением в глагольной словоформе различных преобразований актантной структуры.

Для описания таких показателей в лингвистических работах чаще всего используется единый термин “залог” (англ. “voice”), хотя встречаются и попытки ввести более дифференцированную терминологию. Мы будем исходить из того, что в этой обширной семантической зоне целесообразно выделять по крайней мере два различных класса значений; мы будем говорить поэтому о собственно залоговых значениях и значениях актантной деривации.

Наиболее популярная в 70-е гг. трактовка залога (нашедшая отражение в работах И.А.Мельчука и А.А.Холодовича, Д.Перлмуттера, Э.Кинена и др.) исходила из того, что залог является чисто синтаксической грамматической категорией, маркирующей изменение “диатезы” глагола, т.е. соответствия между его семантическими и синтаксическими актантами. При такой трактовке в тени оставалась собственно языковая функция залога – иначе говоря, то, для чего такое изменение диатезы было нужно. Попытка ответить на этот вопрос приводит к выводу о том, что залог должен рассматриваться в ряду других, весьма многочисленных, коммуникативно-прагматических категорий, которые управляют перераспределением внимания говорящего (или, в другой терминологии, перераспределяют степень тематичности участников ситуации). Этот – “коммуникативный” – подход к залогу (в современной лингвистике связанный, главным образом, с именем Т.Гивона) требует пересмотра целого ряда традиционных постулатов и совсем по-иному определяет границу залоговых явлений. Так, оказывается, что залоговое преобразование можно усматривать и в том случае, когда синтаксические роли глагольных актантов остаются неизменными, но в глагольной словоформе при этом маркируется изменение коммуникативного статуса актанта – системы такого рода называются *инверсными*. С другой стороны, из тех феноменов, которые включаются в залог при традиционной трактовке, по-видимому, чисто залоговыми преобразованиями можно считать лишь *пассивы* (маркирующие

понижение коммуникативного статуса агенса или субъекта – с возможным, но не обязательным повышением коммуникативного статуса другого актанта) и *пермутативы* (маркирующие перераспределение коммуникативного статуса между несубъектными актантами). Ни рефлексив, ни имперсонал, ни медий (вопреки как традиционной, так и “диатезной” теории залога) залогами в чистом виде не являются и должны быть включены в семантическую зону актантной деривации.

Под *актантной деривацией* мы понимаем такое преобразование актантной структуры глагола, которое, в отличие от залога, затрагивает не только коммуникативную составляющую ситуации, но и ее (денотативную) семантику; иначе говоря, актантная деривация определенным образом изменяет саму актантную структуру глагольной лексемы, а не только коммуникативный статус глагольных актантов (это последнее изменение при актантной деривации также происходит – что и сближает ее с залогом, но оно никоим образом не является единственным). Таким образом, залог в некотором смысле является частным случаем актантной деривации; при этом залоговые преобразования обычно в языках мира являются более грамматикализированными.

Предлагается различать три главных разновидности актантной деривации: “повышающую”, “понижающую” и “интерпретирующую”. При повышающей деривации происходит *увеличение* числа обязательных актантов исходной ситуации; при понижающей деривации – соответственно, *уменьшение* числа обязательных актантов исходной ситуации; с другой стороны, содержанием интерпретирующей деривации является *изменение референциальных характеристик*, или *типа актанта*, исходной ситуации (тогда как их количество остается неизменным).

Типы повышающей актантной деривации различаются в зависимости от того, участник с какой семантической ролью оказывается добавлен. Один из самых распространенных случаев – это добавление участника с ролью агенса (и/или причины); в этом случае говорят о производных каузативных глаголах. Возможно также добавление участников с ролью бенефактива / адресата, инструмента / образа действия и места; такого рода производные особенно характерны для языков Тропической Африки. Интересной разновидностью повышающей актантной деривации является компаративная деривация, при которой добавляется роль основания для сравнения (ср. *быть высоким* ~ *быть более высоким, чем X*). Существенно, что добавленный участник ситуации, как правило, занимает привилегированную синтаксическую позицию: новый агент при каузативном глаголе оказывается подлежащим (соответственно, прежнее подлежащее понижает свой синтаксический ранг); бенефактив, инструмент и место приобретают статус прямого дополнения.

Самый распространенный тип понижающей деривации – *декаузативный*, при образовании которого происходит процесс, обратный каузативизации: ситуация, которая исходно представлялась как агентивная, т.е. каузированная волей некоторого лица или активной силой, преобразуется в “некаузированную” ситуацию, которая не имеет внешнего агенса и происходит как бы “сама по себе”; иначе говоря, исходный пациент каузированной ситуации становится единственным участником, ответственным за происходящее.

В отличие от морфологического каузатива, морфологический декаузатив в индоевропейских (и, в частности, славянских) языках представлен очень широко. В русском языке он выражается показателем *-ся* (причем это, по-

видимому, его самое частотное употребление). Ср. такие глаголы, как *подняться* или *обрадоваться*, которые эксплицитно указывают, что обозначаемая ими ситуация *не вызвана никакой внешней причиной*, отличной от ее единственного актанта. В словообразовательном отношении они “обратны” каузативам (ср. каузативные пары типа *сохнуть* ~ *сушить*, с одной стороны, и декаузативные пары типа *сушить* ~ *сушиться*, с другой); однако и в том, и в другом случае словообразовательный показатель, добавляемый к производному глаголу, несет некоторую информацию о произошедшем преобразовании актантной структуры. Не вполне корректно считать (как иногда утверждается), что значение декаузативов “чисто отрицательное”, сводящееся просто к “вычеркиванию” агенса: декаузативный показатель имеет вполне отчетливое “положительное” значение, локализирующее причину происходящих изменений в том участнике ситуации, который, как правило, занимает позицию подлежащего (и который в исходной ситуации таким свойством не обладал и позиции подлежащего не занимал).

Очевидна тесная связь между декаузативной актантной деривацией и пассивным залогом: и в том, и в другом случае исходный пациенс, как правило, становится подлежащим. Неудивительно поэтому, что в языках мира показатели пассива часто развиваются из показателей декаузатива и/или демонстрируют синхронную полисемию (как это, собственно, имеет место и в большинстве индоевропейских языков, включая древние). Однако между декаузативом и пассивом имеется и важное различие: если пассив по-прежнему описывает ситуацию, имеющую агенса (пусть даже и невыраженного в предложении), то декаузатив описывает уже другую ситуацию, которая, в отличие от исходной, имеет на одного участника меньше. Именно поэтому, например, внешне сходные русские глагольные формы *продаваться* (*Здесь продаются книги по лингвистике*) и *разбиваться* (*Чашка разобьется, если ставить ее на край стола*) выражают первая – пассивное, а вторая – декаузативное значение: ситуация продажи не может осуществляться без участия продавца, тогда как ситуация разрушения физической целостности может мыслиться и с одним только пациенсом.

Наконец, случаи “интерпретирующей” актантной деривации представляют собой самый сложный для анализа класс; предлагаемая ниже классификация их разновидностей имеет во многом предварительный характер.

Интерпретирующая актантная деривация основана на том факте, что, хотя количество участников ситуации может не меняться, но на их, так сказать, референциальную природу могут накладываться некоторые ограничения. Собственно, и лексическая семантика почти любого глагола такие ограничения тоже предполагает (глагол *лаять* должен иметь в качестве агенса животное, прежде всего собаку; глагол *шить* в качестве пациенса – одежду или другое изделие из ткани, и т.д., и т.п.); но появление некоторых типов ограничений (в исходной структуре актантам глагола не свойственных) оказывается регулярным для целых классов глаголов и может получать морфологическое выражение.

Нам известны два основных типа таких грамматикализуемых ограничений: это *коррелативность* одного участника ситуации другому и *неопределенность* участника ситуации.

Глагольные показатели, выражающие коррелативность каких-либо двух аргументов глагола (один из них при этом должен быть подлежащим),

традиционно называются рефлексивными. Различается, в частности, прямообъектный рефлексив (подлежащее кореферентно прямому дополнению, ср. *Иван умывается*) и косвеннообъектный рефлексив (подлежащее кореферентно непрямому или косвенному дополнению, ср. *Иван построился* [\approx ‘построил себе дом’], а также *Иван запасается товаром / задается вопросом*; в русском языке косвеннообъектный рефлексив маргинален, но в других славянских, а также, например, в балтийских языках достаточно широко распространен; имелся он и в древнегреческом языке).

Конечно, в действительности содержание отношения кореферентности может быть более сложным, и общая идея тождества двух актантов может принимать весьма нетривиальные воплощения (достаточно сравнить между собой такие русские рефлексивные глаголы, как *застегнуться* и *побриться*). Не вполне четкой является и граница между рефлексивом и декаузативом (что и объясняет необычайно широко распространенную – почти универсальную – полисемию рефлексивно-декаузативных показателей). Рефлексивная интерпретация имеет место в том случае, когда подлежащее и дополнение глагола (не следует забывать, что это на самом деле одно и то же лицо!) могут рассматриваться как два разных объекта, один из которых воздействует на другой; таковы прежде всего глаголы физического воздействия, которые допускают “расщепление” агенса ситуации на, так сказать, активную и пассивную составляющую (ср. глаголы типа *бриться*, *умываться* или *застегиваться*). Чем ближе друг к другу две “ипостаси” агенса, тем более вероятна декаузативная интерпретация того же показателя; так, для глагола *сдерживаться* более предпочтительна рефлексивная интерпретация (поскольку его семантика предполагает сознательные усилия по контролю над собой), глагол *подготовиться* можно понимать и рефлексивно (‘привести себя в состояние готовности’), и декаузативно (‘прийти в состояние готовности’), а глаголы *наклониться* и *обрадоваться* уже полностью исключают рефлексивное понимание (‘обрадоваться’ и ‘обрадовать себя’ – принципиально разные ситуации). Эта неуловимая градация дает некоторым лингвистам основание говорить о единой категории медиа, в состав которой входят рефлексивные и декаузативные показатели, часто имеющие и другие значения (например, пассивное и взаимное, о котором речь непосредственно ниже). При таком подходе остается открытым вопрос, может ли вообще быть глагольной категорией “чистый” рефлексив (который иллюстрируют примеры типа *Иван увидел себя в зеркале*).

Особый случай отношения между участниками ситуации выражают показатели реципрока (ср. русск. *Петя и Маша целуются / ругаются / переписываются*). В случае реципрокных (или “взаимных”) ситуаций число участников физически не редуцируется до одного (в отличие от рефлексивных ситуаций, которые требуют, так сказать, ролевого раздвоения физически единого участника). Однако каждый участник при этом берет на себя роль другого участника, причем выполняет свою и чужую роль одновременно. Ролевое “раздвоение” участников ситуации происходит и здесь, и это объясняет, почему в языках мира часто (хотя далеко не всегда) рефлексивные и взаимные показатели совпадают. Особые показатели реципрока типичны, например, для тюркских языков и языков банту; все индоевропейские языки,

напротив, имеют реципрок, совмещенный с рефлексивом, причем взаимные глаголы во многих из них представлены в гораздо большем объеме, чем в русском языке (ср., например, французские глаголы *s'aimer* 'любить друг друга' или *se regarder* 'смотреть друг на друга').

Последняя разновидность интерпретирующей актантной деривации – та, которая выражает неопределенность актанта. Действительно, говорящим на естественных языках часто бывает важно ничего не сообщать о том, кем конкретно является некоторый участник ситуации (т.е. каков его референт): это может быть неизвестно, несущественно, или, напротив, слишком явно подразумеваться контекстом и потому не требовать эксплицитного выражения. Конструкции с таким типом актанта называются (традиционно и не очень удачно) безличными, или имперсональными; мы будем придерживаться этого термина, несмотря на то, что речь в этом случае идет не о простом “отсутствии лица”, а именно о нежелании говорящего его конкретизировать.

Так же, как и в случае с рефлексивами и реципроками, в языке может быть много способов выразить неопределенность актанта, не отражающихся непосредственно в глагольной морфологии (так, в русском языке наиболее распространена стратегия “нулевого актанта”, ср. примеры типа *Он много читает* или *Ваш роман прочли*). Существуют, однако, языки, в которых наличие неопределенного актанта (субъекта или объекта) систематически маркируется в составе глагольной словоформы; в этом случае перед нами еще одна разновидность актантной деривации – субъектный или объектный имперсонал. В русском языке (для которого морфологический имперсонал не вполне типичен) он, тем не менее, может быть представлен примерами типа *Отец бранится* (≈ ‘бранит окружающих’) или *Собака кусается* (≈ ‘имеет свойство кусать людей’).

Имперсонал не является залогом в нашем понимании, поскольку его значение явным образом не сводится к прагматическому перераспределению статуса темы, а касается природы ситуации в целом; вместе с тем, при переходе от исходной конструкции к имперсональной такое перераспределение, в силу понятных причин, обязательно происходит. Отсюда – тесная связь имперсонала с залогом (особенно с пассивом) и частое в языках мира совпадение пассивной и имперсональной глагольной морфологии. Это можно наблюдать и в русских примерах, которые (как и аналогичные примеры из очень многих языков) демонстрируют не менее тесную связь имперсонала с рефлексивом-декаузативом (т.е. с медиум); эта связь также основана на уменьшении агентивности имперсональных ситуаций (в которых, правда, в отличие от декаузативных ситуаций, агенс все же присутствует).

Обратим еще раз особое внимание на возможность (и необходимость) терминологически разграничить несколько очень близких явлений в сфере залога и актантной деривации: пассив с нулевым агенсом (теперь мы можем назвать его и “имперсональный пассив”, поскольку нулевой агенс является референциально неопределенным) и субъектный имперсонал, не являющийся пассивом, а также, аналогично, антипассив с нулевым пациенсом (он же “имперсональный антипассив”) и объектный имперсонал, не являющийся антипассивом. Для выражения всей указанной гаммы значений в естественных языках, конечно, может использоваться один и тот же показатель, но существенно, что могут использоваться и разные. Более того, при совмещении в

одном показателе нескольких функций возможны различные дополнительные ограничения на их реализацию. Так, во многих языках субъектный имперсонал может быть только (или преимущественно) пассивным и, наоборот, пассив может быть только (или преимущественно) имперсональным; с другой стороны, морфологически пассивный показатель при непереходных глаголах может выражать только (или преимущественно) субъектный имперсонал (последнее совершенно естественно, так как продвигать в позицию подлежащего в таких случаях некого). Такова, скорее всего, ситуация в немецком языке, где морфологически пассивные формы непереходных глаголов (типа *Hier wurde viel getanzt* ‘Здесь много танцевали’ – букв., “было танцовано”) не допускают выражения агенса и, тем самым, содержательно являются имперсональными, а не пассивными. Точно так же, имперсональными, а не пассивными являются известные польские конструкции типа *W kociole bigos grzano* ‘В котле грели бигос’ (А.Мицкевич): все актанты таких предложений (в том числе прямое дополнение) сохраняют свое исходное синтаксическое оформление, и только субъект получает имперсональную интерпретацию (‘неопределенное лицо’). Более того, польские конструкции не относятся к пассивам даже формально (хотя такая трактовка и встречается), потому что польские пассивные причастия (которые мы ожидаем увидеть в случае “настоящего” пассива) имеют в среднем роде окончание *-e*, а не *-o*, так что польский использует здесь (так же, как, например, финский или ирландский языки) особый имперсональный показатель, не совпадающий ни с какими другими показателями залога и актантной деривации.

Во *второй главе* (“Глагольные конструкции: между словоизменением и лексикой”) проблематика “грамматической периферии” рассматривается с несколько иной точки зрения. Основным объектом исследования также оказывается явление во многих отношениях промежуточное, но не между словоизменением и словообразованием (как в предыдущих случаях), а между словоизменением и лексикой; кроме того, если прежде мы рассматривали объекты морфологического уровня, то теперь в сферу нашего внимания попадают объекты синтаксического уровня – глагольные конструкции.

Современная лингвистика уже давно подошла к осознанию того факта, что описание грамматики языка не исчерпывается описанием его грамматических категорий; несколько более неожиданным открытием последних лет становится понимание того, какие нетривиальные связи существуют в действительности между двумя зонами языка, которые принято называть лексической и грамматической. Насколько грамматическая зона оказывается подвержена влиянию индивидуальных отклонений, идиоматичности и непредсказуемости (связываемых обычно с лексикой) – настолько же и лексическая зона обнаруживает тенденции к системному устройству и регулярности (приписываемые обычно грамматике); иное дело, что в каждом из этих случаев указанные механизмы не находятся на поверхности, их обнаружение – задача специального анализа.

Одной из таких “контактных” зон, в которых указанная двойственность дает себя знать, может быть, с наибольшей очевидностью, являются так называемые глагольные конструкции. Используя этот (достаточно условный) термин, мы имеем в виду, в частности, и возможные ассоциации с “*construction grammar*” – подход, развиваемый в последние годы Чарлзом Филлмором и его

сотрудниками; ср. также близкое понятие “grammatical complexes”, предложенное американским типологом и теоретиком когнитивного направления Л.Талми. Устройство и семантическая интерпретация конструкций (понимаемых Филлмором как структурированные полусамостоятельные “формальные идиомы”, идиосинкратический синтаксис языка) подчиняются заведомо более жестким ограничениям по сравнению с фрагментами “обычных” предложений; вместе с тем, конструкции отличаются и от идиоматических сочетаний – в первую очередь тем, что задают некоторый *тип* высказываний: конструкция имеет определенное значение (которое, как правило, сходно с грамматическими значениями данного языка), но, кроме того, на все ее элементы накладываются сильные ограничения (главным образом, семантического или лексического порядка). Можно сказать, что конструкции – это своего рода грамматическая периферия, создаваемая почти исключительно лексическими средствами; это лексика, стремящаяся стать грамматикой (или, если угодно, маскирующаяся под грамматику).

Описание конструкций (в особенности, таких, свойства которых не сводимы к простой сумме свойств составляющих их компонентов) является для теоретика во многих отношениях привлекательной задачей, так как позволяет как бы испытать на прочность созданный им на более простом материале теоретический аппарат. Помимо весьма показательного в этом смысле цикла работ Ч.Филлмора, отметим сходные по замыслу попытки в рамках других лингвистических концепций (принадлежащие, например, А.Вежицкой или Ю.Д. Апресяну). Для понимания специфики этого подхода существенно, что в той степени, в какой он связан с лексико-семантическими исследованиями, его наиболее непосредственным стимулом явилось, по-видимому, изучение служебных слов, значение которых несравненно больше, чем значение “обычных” лексем, растворено в окружающем контексте.

Материалом нашего собственного исследования послужили, с одной стороны, так называемые сериальные глагольные конструкции (распространенные во многих языках мира с относительно “бедной” морфологией), а, с другой стороны, некоторые относительно мало изученные конструкции русского языка, содержащие удвоение глагольной леммы; все эти конструкции последовательно обсуждаются в нескольких разделах данной главы.

Сериальные глагольные конструкции с начала 70-х гг. привлекают все более пристальное внимание типологов; количество посвященных им исследований непрерывно растет. В первом приближении, сериальная конструкция представляет собой цепочку глаголов (в личной форме), не соединенных союзами и имеющих не менее одного общего актанта (аналогом сериальной конструкции в русском языке могут служить сочетания типа *сидит пишет* или *попробуй возьми*). Сериальными конструкциями много занимались синтаксисты, пытаясь усмотреть в них особый тип синтаксической связи – промежуточный между сочинением и подчинением. Что касается семантики этих конструкций, то исследователи обычно констатировали “особенно тесную связь” между элементами глагольной цепочки, которые, в отличие от обычных бессоюзных конструкций, “обозначают единую ситуацию”.

С нашей точки зрения, однако, специфика сериальных конструкций состоит именно в особенностях их семантики, а не морфологии и не синтаксиса (с синтаксической точки зрения они, скорее всего, все же являются разновидностями сочинительных бессоюзных предложений), однако понятие

“единой ситуации”, используемое для характеристики их семантической специфики, является слишком расплывчатым и больше уводит от понимания природы сериальных конструкций, чем приближает к нему. В действительности, класс сериальных конструкций семантически неоднороден; его наиболее своеобразную часть составляют такие, в которых один из глаголов используется в качестве более или менее грамматикализованного показателя, выражающего некоторое значение из Универсального грамматического набора. Наиболее часто сериальные глаголы используются для выражения аспектуальных значений (типа хабитуальности, итеративности и др.) и особенно значений актантной деривации (например, бенефактивный актант вводится с помощью глагола ‘дать’, инструментальный – с помощью глагола ‘взять’, компаративный – с помощью глагола ‘превосходить’, и т.п.).

Относительно меньший подкласс сериальных конструкций составляют такие, которые образованы сочетанием двух или более полнозначных глаголов, но значение которых идиоматично (ср., например, эвэ ‘увидеть сердце умереть’ = ‘рассердиться’). Подобные конструкции немало способствовали формированию представления о сериальных конструкциях как о “неделимых” комплексах с особо тесной связью между компонентами, но очевидно, что природа их своеобразия никак не связана с особенностями их синтаксической организации. Действительно, семантически аномальные, “неаддитивные” сочетания типа *съест собаку* с синтаксической точки зрения полностью идентичны семантически стандартным сочетаниям типа *съест курицу*; отличия первых от вторых должны описываться в словаре, а не в синтаксисе.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении сериальные конструкции предстают скорее как лексический, а не как синтаксический феномен; большая часть этих конструкций – вовлекаемый в грамматическую периферию паратаксис, меньшая часть – просто идиоматический паратаксис. По-видимому, не существует такого синтаксического признака, который мог бы эффективно выделить эти конструкции из числа других бессоюзных конструкций данного языка.

Инвентарь глагольных конструкций русского языка поражает своим богатством. На разнообразие глагольных конструкций русского языка и их высокий удельный вес во всех типах текстов (в том числе в устной речи) обращалось внимание еще в известной работе Н.Ю.Шведовой 1960 г., где представлен обширный материал такого рода; тем не менее, эта зона русской грамматической системы (возможно, именно в силу периферийного характера) изучена далеко не достаточно.

В работе обращается внимание на два типа русских глагольных конструкций с удвоением глагольной лексемы: одна из них содержит полный повтор глагольной словоформы (тип *тушат-тушат – не потушат*), другая – так называемую “инфинитивную реплику”, или “инфинитивное эхо” (тип *съест-то он съест, да кто ж ему даст*).

Конструкция с полным удвоением глагольной словоформы выражает весьма идиоматичное аспектуально-модальное значение, которое сводится к противоречию между неоднократными попытками совершения (контролируемого) действия в прошлом (или неоднократным возобновлением неконтролируемого процесса) – и наступившей после этого ситуацией, прямо или косвенно сводящей указанные попытки на нет. Этот смысл имеет также сильную экспрессивную составляющую (что объясняет особую частотность

таких конструкций в разговорной речи и устных фольклорных жанрах), которая касается нарушенных ожиданий говорящего (ср. передающие близкий эмоциональный комплекс выражения типа *вот те раз!*).

Конструкция с инфинитивной репликой интересна прежде всего своим иконическим характером: она может передавать целую гамму достаточно сложных модальных значений, общим компонентом которых является, по-видимому, утверждение говорящего об изменении интерпретации *связей между двумя ситуациями* (причинно-следственных или иных). Поиск нужной интерпретации и выбор нужного параметра сопровождается “переоценкой” первоначальной ситуации; этот этап иконически отражается в употреблении инфинитивной словоформы, в семантике которой, тем самым, отчетливо проступает компонент неопределенности (или, может быть, правильное сказать, недоопределенности).

III.

В Часть III (“Функциональная периферия: заместители”) входят исследования отдельных грамматических областей с точки зрения их большей или меньшей грамматикализованности. Мы исходим из того, что одно и то же значение (точнее, значения из одной и той же “семантической зоны” в составе Универсального грамматического набора) может выражаться как в составе некоторой грамматической категории, так и иными (например, лексическими или синтаксическими) средствами; в последнем случае можно говорить о *заместителях* грамматической категории. С этой точки зрения на широком типологическом фоне рассматривается прежде всего семантическая зона вида, известная своей сложностью (при этом особое внимание обращается на такие относительно менее изученные аспектуальные категории, как перфективность и результативность). Нашей основной задачей является установление универсальной структуры аспектуальной семантической зоны, которая обладала бы типологической релевантностью; далее, представляется интересным проследить, каким образом выделенные универсальные параметры вида вписываются в конкретные глагольные системы, как каждый язык использует механизм взаимодействия ядерной грамматической зоны и грамматической периферии.

Первая глава (“Аспектуальное семантическое пространство и способы его организации в разных языках”) посвящена общим проблемам грамматической типологии и типологической классификации аспектуальных значений.

В современных исследованиях по типологии отчетливо наметилась тенденция к “универсализации” видовых противопоставлений; при такой трактовке категория вида перестает быть отличительной характеристикой только одной группы языков (например, славянских) – аспектуальные граммы и “квазиграммы” оказываются, напротив, одними из самых распространенных; их становится целесообразным выделять едва ли не в любой глагольной системе (даже в языках с самым бедным набором глагольных категорий). При этом категориальный статус таких значений (т.е. то, насколько они грамматикализованы в той или иной глагольной системе) относительно менее важен для типологического описания: более существенным является место данного значения внутри аспектуального типологического пространства.

Разумеется, такая трактовка вида требует некоторых изменений в самом подходе к описанию этого явления; в первых разделах данной главы мы обсуждаем, какие требования накладывает “типологически ориентированное” мышление на способ представления аспектуальных категорий, и какой в итоге оказывается позиция русского и других славянских языков внутри этого типологического пространства. Для сравнения рассматривается также глагольная система языка догон, в которой разнообразные аспектуальные противопоставления организованы совсем иным способом. В заключительном разделе первой главы несколько подробнее рассматриваются аспектуальные противопоставления, связанные с перфективностью – эта часть аспектуальной семантической зоны представляется нам наименее изученной (и в то же время едва ли не самой интересной в свете грамматической проблематики).

Наша трактовка вида в значительной степени опирается на недавние предложения, содержащиеся в “Курсе общей морфологии” И.А.Мельчука (прежде всего в том, что касается самих принципов трактовки аспектуальной зоны); кроме того, специально в отношении перфекта и связанных с ним противопоставлений очень важными представляются результаты Ю.С.Маслова и В.П.Недялкова-С.Е.Яхонтова. Укажем также работы Б.Комри, Э.Даля, В.С.Храковского, П.Хоппера, С.Дика и др. (список этот, разумеется, далеко не исчерпывающий).

Основной тезис, который мы считаем определяющим для типологической трактовки вида, состоит в том, что в языках мира имеется не одна грамматическая категория “вида”, а целое семейство вообще говоря различных аспектуальных противопоставлений – имеющих определенную семантическую общность, но, в частности, способных сочетаться друг с другом в пределах одной глагольной словоформы. Вместе с тем, нередко в глагольной системе конкретного языка (славянские системы как раз и являются таким характерным случаем) один и тот же показатель берет на себя целый ряд аспектуальных функций; это создает иллюзию “недискретности”, “нерасчлененности” вида и вызывает соблазн говорить о категории “вида вообще” с крайне размытым семантическим содержанием. Не входя в обсуждение потерь и приобретений, возможных на этом пути, укажем лишь, что для типологии более обычен (и более естествен) другой подход – а именно, тот, в основе которого лежит принцип *различимости через универсальную классификацию*: то, что формально различается хотя бы в одном языке, признается различным и в любом другом языке, даже если в этом языке нет формальных средств для (последовательного) проведения этого различия. Так, отсутствие в глагольной системе современного русского языка формальных средств для разграничения перфектных и неперфектных словоформ не препятствует тому, чтобы говорить о перфектном значении у словоформ прошедшего времени глагола в примерах типа *Позвоните попозже, Михаил Трофимович вышел* и о неперфектном – в примерах типа *Вчера, в три часа дня, мы вышли из дому, сели на автобус и поехали в город*. Выбор в качестве основания для семантического различения этих словоформ именно признака “перфектность” (а не какого-то другого произвольного семантического признака) не в последнюю очередь, конечно, обусловлен тем, что существуют языки, в которых именно это различие грамматикализовано: ср. противопоставление английских выражений типа *he has gone* (перфект) и *he went* (претерит), русским эквивалентом которых в обоих случаях может служить

он ушел. Иными словами, исследователь в своей классификации различает только то, что способен различать хотя бы один естественный язык (впрочем, слово “только” здесь, может быть, и не вполне уместно: число таких различий очень велико и до сих пор еще не описано полностью, см. подробнее ниже). Это и есть суть универсально-типологического подхода; аналогичный метод используется, например, в фонологии при создании универсальной фонетической классификации (так, мы вправе обратить внимание на то, что “в русском языке придыхательные и непридыхательные согласные фонологически не противопоставлены” именно потому, что в других языках придыхательность – фонологически релевантный признак, она противопоставляет разные фонемы; тем самым, придыхательность входит в систему признаков универсальной фонетической классификации и вопрос о ее выражении в любом языке приобретает лингвистический интерес).

Естественно, универсально-типологический подход предполагает существование некоего каталога смыслов, образующих в языках мира грамматические оппозиции (или, по крайней мере, тем или иным образом участвующих в их образовании). Этот каталог (называемый в работе *Универсальным грамматическим набором*) формируется путем своего рода препарирования конкретных грамматических описаний; переход от метаязыка такого конкретного описания к метаязыку Универсального грамматического набора предполагает выполнение по крайней мере двух следующих операций:

- обеспечение типологической сопоставимости (то есть, проще говоря, в первую очередь того, чтобы “одни и те же” сущности, представленные в разных языках, назывались одинаково, а разные – по-разному); в свете этого требования, например, неприемлемо использование термина “имперфект” одновременно в том смысле, как его используют грамматики романских языков (очень огрубленно: длительное фоновое прошедшее) и в том смысле, как его используют традиционные финские грамматики (очень огрубленно: неперфектное прошедшее) – одну (или обе) из этих глагольных форм следует соответствующим образом переименовать;

- расчленение единых граммем, если это необходимо (а это оказывается необходимо очень часто), на ряд более элементарных семантических сущностей: так, тот же романский имперфект может быть представлен (по крайней мере в некоторых своих употреблениях) как выражающий комбинацию трех различных элементов из Универсального грамматического набора: ‘прошедшее время’, ‘длительность’ и ‘одновременность по отношению к “главной” ситуации’.

Следствием этой второй операции оказывается, между прочим, то, что конкретные граммемы конкретных языков почти всегда будут соотноситься с более широким набором сущностей, чем их корреляты в Универсальном грамматическом наборе. Так, граммема, называемая в английском языке “перфектом”, будет соответствовать по крайней мере двум разным элементам Универсального грамматического набора (на самом деле даже большему их числу, но сейчас мы позволим себе несколько упростить картину для компактности изложения): во-первых, это собственно перфект, он же “результативный” перфект (обозначающий ситуацию в прошлом, результат которой сохраняет свою релевантность к моменту речи) и, во-вторых, это так называемый общефактический перфект, или перфект “жизненного опыта”, со

значением ‘участник ситуации характеризуется тем, что данная ситуация имела место по крайней мере один раз в его жизни’.

Две эти разновидности перфекта (“результативный” и “общефактический”) очевидным образом семантически связаны друг с другом; оставаясь в рамках английской грамматики, можно было бы, например, и не отделять общефактическое значение от результативного (хотя в большинстве описаний английского языка они действительно трактуются как различные). Но типологический подход к перфекту позволяет обнаружить следующий факт: хотя во многих глагольных системах результативный и общефактический перфект выражаются с помощью одного и того же специализированного показателя (как раз и называемого обычно показателем “перфекта”), существуют и другие комбинации. Так, в китайском языке имеется глагольный показатель *-guo*, выражающий только общефактическую разновидность перфекта; с другой стороны, в глагольной системе русского языка, как известно, общефактическое значение передается глаголами НСВ (*Иван никогда в жизни не возвращался домой поздно*), в то время как результативное – как правило, глаголами СВ (*Иван вернулся домой поздно*); и, хотя в русском языке ни то, ни другое значение не выражается “в чистом виде”, они формально противопоставлены, поскольку не объединены общим показателем (как в английском), а, напротив, включены в состав разных граммем. Все это в конечном итоге означает, что в Универсальном грамматическом наборе результативный и общефактический перфект должны рассматриваться как разные сущности: именно такую степень дробности задает универсальная грамматическая классификация (заметим, что к сходным выводам в результате типологического исследования перфекта приходит и Э.Даль).

Особенность типологического взгляда на грамматическую полисемию состоит в том, что, во-первых, полисемия грамматических показателей признается массовым и абсолютно нормальным явлением (так же, как и лексическая полисемия) и, во-вторых, акцент делается на том, к комбинации каких именно универсальных элементов сводится значение того или иного показателя. Тем самым, проблема семантического инварианта у того или иного грамматического показателя (даже если считать, что таковой всегда существует) оказывается для типологического исследования практически нерелевантной.

Классификационная сетка универсальной грамматической классификации является максимально дробной; в конкретных языках происходит укрупнение тех или иных классов, их объединение в граммеы, квазиграммеы и дериватеы конкретных грамматических систем. Тем самым, между логикой универсально-типологического и конкретно-языкового описания имеется определенная коллизия: универсальный подход ориентирован на максимальную дробность и максимально четкую очерченность элементов; конкретно-языковой подход ориентирован на синкретизм и размытость границ: он следует не за дискретной логикой сравнения всего со всем, а за объединяющей логикой соответствующей грамматической системы, когда одно и то же формальное средство стремится (при прочих равных условиях) выполнить максимально возможное число функций. Универсальная типология противостоит типологии грамматических систем, то есть типологии того, как могут совмещаться в рамках одного и того же формального средства вообще говоря различные функции. Рассматривая язык с этой двойной точки зрения, мы получаем право делать, например, следующие утверждения:

- “в русском языке нет специализированных грамматических средств для выражения перфекта”;
- “в русском языке перфект совмещен с претеритом”;
- “в данном предложении словоформа глагола *выйти* употреблена в перфектном значении”;
- “в русском языке одним из значений граммемы НСВ является общефактический перфект”, и т.п.

Заметим в скобках, что как то, так и другое направление грамматической типологии, в сущности, находятся в начале своего развития. Но при этом основные теоретические усилия типологов (благодаря работам Б.Комри, Э.Даля, И.А.Мельчука и др.) все же концентрируются, как кажется, на универалистском направлении. Типология конкретно-языковых грамматических систем до сих пор, насколько нам известно, как будто бы не провозглашалась самостоятельным, лингвистически интересным объектом исследования (если не считать типологическую программу Э.Даля, направленную на один частный фрагмент грамматических систем). Впрочем, и до построения Универсального грамматического набора лингвистам еще очень далеко: наилучшим приближением к этому результату является, по-видимому, фундаментальный “Курс общей морфологии” И.А.Мельчука, но и его, как кажется, в силу понятных причин следует рассматривать скорее как чертеж будущего здания, чем как само здание.

Настороженность большинства типологов по отношению к “внутрисистемной” типологии, вообще говоря, объяснима: ведь поиск внутренней логики устройства грамматической системы часто заставляет забывать о том, что данная система – лишь один из многих возможных вариантов реализации некоторых общих принципов. Именно поэтому “внутрисистемные” грамматические исследования поощряют лингвиста к конструированию так называемых “инвариантов” грамматических значений, к созданию максимально общего, максимально расплывчатого и максимального идиосинкратичного метаязыка; доведенные до крайности, такие построения вообще исключают всякую идею межъязыковой сопоставимости. Этой крайности можно было бы избежать, если принять ту точку зрения, что каждый язык решает лишь одну задачу: распределить некоторый заранее заданный инвентарь смыслов из Универсального грамматического набора между лексикой и грамматикой, используя при этом по возможности небольшое число формально различающихся показателей (по крайней мере, заведомо меньшее, чем число универсальных грамматических элементов). Конечно, с этим тезисом можно не соглашаться (немногочисленные, но настойчивые голоса противников универсализма раздавались в истории лингвистики не раз), но тогда следует признать, что вопрос об осмысленности каких бы то ни было типологических исследований получит, скорее всего, отрицательный ответ, поскольку исчезнет важнейшая теоретическая мотивировка для таких исследований.

Для “универалистской” трактовки вида крайне важно, что аспектуальные значения с типологической точки зрения никак не могут сводиться к одной бинарной оппозиции типа “перфектив / имперфектив” (те типологи, которые – вслед, например, за Б.Комри – постулируют такое бинарное устройство универсальной категории вида, как правило, находятся под слишком сильным влиянием конкретно-языковой, и притом весьма специфической, “славянской модели” вида). Вид – это (в некоторой степени так

же, как и залог) семейство связанных друг с другом, но в общем случае не тождественных значений.

При всем разнообразии аспектуальных категорий, у них есть одно общее свойство – собственно, то, что и позволяет рассматривать их как элементы единого класса. Это свойство, как известно, сводится к тому, что аспектуальные категории (нормально выражаемые при глаголе) определяют ситуацию с точки зрения характера ее протекания (длительности, повторяемости, наличия результата и т.п.). В отличие от категорий времени и таксиса, аспект никак не связан с внешней по отношению к данной ситуации “точкой отсчета” (будь то момент речи или какая-то произвольная ситуация); он характеризует ситуацию “изнутри” (но при этом в ее динамике), и потому уже в первых работах по аспектологии вид метафорически определялся как “внутреннее время” глагола. Аспектуальные категории дают возможность представить одну и ту же ситуацию по-разному, выделить те или иные ее стадии, важные для говорящего; сама возможность такого выбора образует не всегда заметный модальный потенциал аспектуальных категорий, обладающих латентной субъективностью (на что, между прочим, указывает и сама внутренняя форма этого термина – *вид* / *аспект*, то есть, собственно, “взгляд”, “точка зрения”, “способ видеть”).

Аспект принадлежит к числу тех грамматических категорий, которые наиболее тесным образом связаны с семантикой исходной (глагольной) лексемы. Действительно, не всякая ситуация может быть, так сказать, повернута под произвольным углом зрения: это зависит от ее внутреннего устройства. Если ситуация по самой своей природе не обладает длительностью, ее нельзя представить как длящуюся; если ситуация по самой своей природе не имеет результата, то в ней невозможно выделить результативную фазу, и т.п. Тем самым, аспектуальные противопоставления (как это было уже давно показано Ю.С.Масловым и вслед за ним, независимо, З.Вендлером) невольно участвуют в классификации глагольной лексики – просто в силу того, что к одним лексическим классам могут быть применены одни противопоставления, а к другим – другие. В принципе, конфликт между “индивидуализмом” лексики и “всеобщностью” грамматики – неизбежное следствие обязательного характера грамматических противопоставлений, но, может быть, именно аспект (в силу его наибольшей семантичности) доводит этот конфликт до наибольшей остроты. В грамматических системах естественных языков сравнительно редко встречаются чисто словоизменительные (и при этом парадигматически полные) аспектуальные противопоставления; аспект имеет тенденцию превращаться в словоклассифицирующую грамматическую категорию (как это, скорее всего, имеет место и в славянских языках) или оставаться в границах более или менее продуктивного словообразования (образуя, в частности, ядро так называемых “совершаемостей”, или “способов действия”). Если все же аспект выражается словоизменительной граммемой, то, как правило, в таких глагольных системах возникают дефектные парадигмы (ср. английский прогрессив) или обширные зоны нейтрализации (ср. отсутствие видовых противопоставлений не в прошедшем времени в романских языках).

Все эти положения общепризнаны в современной аспектологии; более спорным является вопрос о классификации аспектуальных категорий.

Следуя в основном за И.А.Мельчуком (но не совпадая с ним в некоторых существенных деталях), мы выделяем внутри аспектуальной зоны прежде всего количественный и фазовый аспект. Это деление представляется самым важным,

хотя отнюдь не все естественные языки формально противопоставляют даже эти два крупных аспектуальных типа (в частности, совмещение многократности и длительности – типологически весьма распространенный прием, свойственный, например, всем славянским, и, в несколько меньшей степени, всем романским языкам).

Количественный аспект характеризует ситуацию с точки зрения ее повторяемости. Исчисление возможных типов множественности ситуаций (на большом типологическом материале) было недавно предложено в исследовании под руководством В.С.Храковского (1989), и мы не будем его здесь подробно воспроизводить. Отметим лишь основные семантические противопоставления внутри этой зоны:

- итератив с многочисленными разновидностями (ситуация полностью повторяется через определенные промежутки времени, с той или иной периодичностью: один раз, часто, редко, регулярно и т.п.), в том числе хабиитуалис (регулярно повторяющиеся ситуации, “привычные” действия, становящиеся характеристиками свойств субъекта, ср. контексты типа *он курит, он собирает марки, он пишет стихи*);

- мультипликатив, обозначающий единый множественный акт, состоящий из отдельных повторяющихся квантов (ситуации типа *кашлять, мигать, стучать*); единичный квант мультипликативной ситуации выражается семельфактивом (*кашлянуть, мигнуть, стукнуть*);

- разного рода дистрибутивы, обозначающие такой тип (неполного) повторения ситуации, при котором происходит последовательный “перебор” единичных представителей определенного актанта: ср. контексты типа *Все поразъехались кто куда; Листья пооборвало ветром; Он перепробовал все кушанья (перечитал всё, что нашлось в библиотеке)*, и т.п.

Эти противопоставления являются независимыми друг от друга и, в частности, могут сочетаться в пределах одной глагольной словоформы (например, весьма распространен итеративный или хабитуальный мультипликатив, ср.: *Прошлой зимой дети все время кашляли* [*≈ болели*], и т.п.).

Конечно, в конкретных языках каждая из указанных зон может разрабатываться с гораздо большей степенью детальности; встречаются и очень своеобразные комбинации количественного аспекта с другими типами значений (интенсивность, каузативность, множественность актантов, оценка и т.п.). Типология таких совмещенных показателей требует дальнейшего изучения.

Фазовый аспект организован еще более сложно. Прежде всего, в рамках фазового аспекта противопоставляются ситуации длящиеся и недлящиеся. Если ситуация считается длящейся, то это означает, что она может быть рассмотрена не целиком с начала до конца, а только в какой-то одной из своих фаз (при этом имеется в виду, что у ситуации были/будут и другие фазы, а говорящий как бы высвечивает лишь один интересующий его фрагмент). Иными словами, длительность ситуации предполагает ее “нецелостное” рассмотрение – здесь может быть уместно использовать этот некогда весьма популярный в классической аспектологии термин. Таким “нецелостным” ситуациям противопоставляются ситуации “целостные”, то есть представленные как не имеющие членения на фазы и, тем самым, не имеющие длительности. Ситуация может не иметь длительности, вообще говоря, по двум причинам. Во-первых, это может происходить в силу ее денотативных свойств – тогда это так называемые “мгновенные” ситуации типа *лопнуть* или *найти*; как правило,

соответствующие глаголы в той или иной степени дефектны, и вхождение в аспектуальные парадигмы для них возможно только через количественный аспект, то есть итерацию. Это и понятно – ведь многократная ситуация (типа мультипликативной), состоящая из многих однотипных мгновенных ситуаций, способна в аспектуальном плане вести себя как однократная длительная ситуация, то есть члениться на какие-то составные части. Мгновенные ситуации более подробно рассматриваются также в заключительном разделе этой главы.

Во-вторых, ситуация, не являющаяся мгновенной (то есть, в принципе способная к членению на фазы), может быть представлена в языке как не имеющая длительности: употребляя не-мгновенный глагол с каким-либо из аспектуальных показателей не-длительности, говорящий сообщает о том, что данная ситуация и началась, и продолжалась, и завершилась, не противопоставляя ни одну из ее фаз другой. Тем самым длительная (по своей природе) ситуация оказывается мысленно “сжата” и приравнена к мгновенной: отрезок или линия превращаются в точку. Эта метафора лежит в основе и наиболее обычного названия аспектуальных показателей с подобной функцией: *точечный* аспект, или *пунктив*; распространенным является также термин “аорист” (хотя нам представляется более предпочтительным называть аористом не чисто аспектуальную граммему, а очень частотную комбинацию пунктива и прошедшего времени: в силу особенностей семантики пунктива он часто выражается только в прошедшем времени либо кумулятивно с прошедшим временем). Пунктив (особенно в сочетании с прошедшим временем) присутствует в глагольных системах очень многих языков мира; как правило, именно он скрывается за бесхитростным псевдонимом “простое прошедшее” описательных грамматик.

В русском языке пунктив практически не имеет специализированных грамматических показателей (ближе всего к выражению пунктива стоят делимитативы типа *поработать* и *проработать*, но они все же выражают более частные семантические противопоставления). Этот факт не случаен и вытекает из особой природы русских видовых оппозиций: русский язык обладает системой так наз. “комплетивного” типа, о чем подробнее см. ниже.

Наибольшие возможности для выражения аспектуальных противопоставлений имеются у длительных ситуаций в том случае, когда они рассматриваются как “не-целостные”. Укажем те семантические признаки в составе этой чрезвычайно разнообразной семантической зоны, которые представляются нам наиболее важными. Во-первых, это собственно фазовый аспект ситуации, то есть более или менее механическое выделение у ситуации начальной, серединной и конечной части; соответственно, мы имеем дело со значениями, которые в Универсальном грамматическом наборе могут быть представлены как инхоатив (‘V началось’), континуатив (‘V продолжается’) и терминатив (‘V прекратилось’). Здесь следует подчеркнуть именно механический характер данного членения: фазовый аспект строится вокруг самого простого противопоставления ‘в момент t_x ситуация имеет место’ VS ‘в момент t_x ситуация не имеет места’ (в разных комбинациях). Морфологическое выражение инхоатива и терминатива достаточно широко распространено (в русском языке, например, имеется даже по несколько их разновидностей); континуатив чаще выражается аналитически (и/или лексически) – но морфологический континуатив засвидетельствован, в частности, в дагестанских языках и языках банту. Теоретически здесь возможна и четвертая комбинация,

“кунктатив”: ‘V [по-прежнему] не началось’; наиболее надежные примеры ее морфологического выражения представлены, по-видимому, в языках банту (где они наиболее известны под названием ‘not yet’-форм). Лексически же кунктатив очень точно выражается, например, в русском языке – конструкцией *так и не* (ср. *он так и не ответил*).

Более сложный тип членения ситуации опирается уже не на простое наличие / отсутствие ситуации в фиксированный момент, а на выделение качественно различных фаз внутри самой ситуации. И в этом случае, как и во всех предыдущих, происходит дальнейшее сужение лексического класса глаголов, которые способны к такому противопоставлению: это, как следует из сказанного, лишь те глаголы, которые описывают динамические, или качественно неоднородные ситуации; а из качественно неоднородных центральную роль играют ситуации предельные, то есть те, которые имеют естественный (лексикографически детерминированный) результат.

“Длящиеся” нерезультативные ситуации (то есть представленные говорящим как бы без начала и конца, которые остаются за рамками высказывания) относятся к зоне дуратива; внутри этой зоны также, разумеется, возможна более тонкая семантическая дифференциация (например, значение конатива – нереализованной попытки достичь результата, ср. русск. *решил, но так и не решил*, где конатив, как и вообще дуратив, передается граммемой НСВ; подробнее это значение рассматривается во второй главе). Характерным представителем дуративного аспекта является романский (и латинский) имперфект; граммема имперфекта, как известно, совмещает семантику длительности, прошедшего времени и дополнительные (весьма нетривиальные) таксисные значения “сопутствующего”, “второстепенного” или “фонового” действия. Вообще, таксисные компоненты часто присутствуют в семантике дуративных значений, что вполне естественно: длительность часто осознается как длительность именно на фоне других ситуаций.

Наконец, результативный аспект, так или иначе выделяющий заключительный компонент качественно неоднородной ситуации, представляет собой последнюю логическую возможность членения ситуации на составные части (при этом очевидно, что у ситуаций такого типа завершающая фаза прагматически важнее всех остальных). Соответственно, результативные показатели либо выражают момент достижения результата (это разного рода комплетивы, вклад которых в семантику русского СВ особенно весом), либо описывают результирующее состояние, наступившее после этого момента (собственно результативы, подробно описанные в работах В.П.Недялкова, Ю.С.Маслова и др.); более сложную семантику имеет перфект, также относящийся к данной аспектуальной зоне: в целом перфект можно охарактеризовать как ослабленный результатив, описывающий не конкретное, лексикографически детерминированное состояние, возникшее в результате завершения действия, а любой (пусть даже косвенный) результат ситуации, релевантный в последующий момент (обычно это момент речи) – так сказать, любое “эхо” ранее имевшей место ситуации, если это “эхо” действительно еще звучит в тот момент, когда говорящий описывает ситуацию. О многообразии типов самого перфекта отчасти уже говорилось ранее; из описательной грамматики, скажем, английского языка можно без труда извлечь еще несколько различных семантических типов перфекта, но их подробный анализ не входит в нашу задачу.

В заключение еще раз подчеркнем крайнюю нетривиальность “погружения” конкретных грамматических систем в универсальную классификацию аспектуальных значений. Хотя каждая глагольная система стремится выразить максимум различий с помощью ограниченного числа показателей, степень проработанности аспектуальной зоны в разных языках может весьма существенно различаться. В частности, полезно отметить, что с типологической точки зрения славянские языки (традиционно считающиеся “видовыми”) отнюдь не отличаются большой дробностью в трактовке аспектуальных противопоставлений. Напротив, ядро грамматической системы славянских языков (СВ ~ НСВ) аккумулирует целый ряд достаточно разнородных сущностей (объединяя, например, в рамках одной граммы дуративность и хабитуальность – или, напротив, комплетивность, терминативность, инхоативность и перфектность). Конечно, между объединяемыми таким образом значениями может иметься нечто общее, но поиск этого общего – в большей степени задача конкретного грамматического описания, чем задача типолога.

С точки зрения типолога, славянские языки оказываются, как это ни парадоксально, в видовом отношении скорее бедными (если, конечно, отвлечься от грамматической периферии – глагольного словообразования с многочисленными показателями совершаемости). Это становится особенно заметно при сопоставлении славянских (и подобных им) систем с системами типологически иного устройства. В данной главе подробно рассматривается аспектуальная система языка догон, являющегося ярким представителем “полиаспектных” языков; в частности, в глаголе догон грамматически противопоставлены итератив, дуратив, пунктив, хабитуалис и результатив (о выражении последнего см. дополнительно третью главу); интересно, что грамматическое выражение времени (особенно будущего) в языке догон при этом существенно менее последовательно и явным образом подчинено видовым значениям.

Среди перечисленных выше типов аспектуальных значений особого исследования заслуживает группа пунктивных значений (или перфективных, как их чаще называют в работах по типологии вида – противопоставляя эти значения “имперфективным”, в число которых включают обыкновенно дуратив, итератив и хабитуалис).

С типологической точки зрения ни одна из таких макро-групп аспектуальных значений не является, вообще говоря, простой и гомогенной; в каждую из них могут входить многочисленные и достаточно разнородные семантические элементы. Применительно к “имперфективной” группе значений данный тезис, пожалуй, можно считать общепринятым: типологическая релевантность различий между хабитуалисом, дуративом и итеративом (лишь в некоторых глагольных системах поручаемых одному и тому же показателю) достаточно очевидна, и их трактовка в качестве *разных* (хотя и достаточно тесно связанных, в том числе и диахронически) универсальных категорий в настоящее время в работах по грамматической типологии преобладает. Совершенно иной является ситуация с “перфективом”: практически во всех описаниях он трактуется как однородный семантический комплекс, соотносящийся со “взглядом на ситуацию извне” (Б.Комри), “целостным” представлением ситуации (традиционная славянская аспектология), и т.п. Это определение неоднократно критиковалось как слишком импрессионистическое

и неточное, но основная проблема даже не в поиске более адекватной формулировки. Естественным следствием такой “расширенной” трактовки перфектива оказывается отождествление, например, английских форм *simple past* и русских форм совершенного вида: у Комри, например, обе считаются конкретно-языковыми реализациями универсального значения “перфектива”. Но в этом случае требует объяснения хорошо известная неэквивалентность русских и английских форм в очень многих контекстах и у очень многих глаголов: так, английские “перфективные” *he sang* или *he ran* не переводятся естественным образом на русский с помощью форм СВ. Этот факт был отмечен и в типологической литературе; так, Э.Даль, основываясь на многочисленных случаях контекстной неэквивалентности между, например, германскими и романскими с одной стороны, и славянскими языками (прежде всего, русским), с другой, предлагает говорить об особом “славянском виде” (имея в виду, как следует из его примеров, в действительности прежде всего особый “славянский перфектив”). Однако и с точки зрения Даля в славянских языках представлен все тот же универсальный “перфектив”, пусть и со “славянскими” отклонениями.

Даль связывает особенности “славянского перфектива” с его словообразовательным (а не словоизменительным) характером: известно, что перфективирующие глагольные префиксы в славянских языках диахронически восходят к словообразовательным пространственным модификаторам (а большинство из них сохраняет и синхронную полисемию). Даль проницательно указывает, что такого рода системы засвидетельствованы не только в славянских языках, и даже не только в восточно-европейском ареале (литовский, венгерский, грузинский), приводя в качестве примера глагольную систему языка марги, принадлежащего к чадской группе афразийской семьи. При всей справедливости этих наблюдений, различие между семантическими типами перфектива, как нам представляется, не всегда прямо соотносится с различием словообразовательного и словоизменительного выражения аспектуальных противопоставлений: его природа более глубокая.

С нашей точки зрения, в описании перфектива необходимо сделать тот же шаг, который уже давно был сделан в описании имперфектива: признать перфективность неоднородной семантической зоной, состоящей из различных универсальных значений; в некоторых языках эти значения могут поручаться одному и тому же показателю, но в общем случае это далеко не всегда так. При таком подходе более или менее значительная неэквивалентность языков в этой области окажется абсолютно естественной: очевидно, что с универсально-типологической точки зрения понятие перфективности не является элементарным.

Как представляется, существуют по крайней мере три релевантных для перфективной зоны семантических признака:

- ‘мгновенность / краткость’;
- ‘достижение естественного предела’;
- ‘вложенность в более протяженный временной интервал’.

Эти признаки независимы, и в разных языках наблюдаются разные их комбинации.

‘Мгновенность / краткость’ – очень существенный семантический компонент, указывающий либо на малую протяженность действия, либо на практическое отсутствие длительности (‘конец ситуации следует практически

сразу за ее началом'). Мгновенные события в языковой картине мира трактуются как “точки” на временной оси (отсюда термин “точечность”, или “пунктивность”, нередко используемый для обозначения перфектива в целом). Легко заметить, что аналогичное семантическое описание применимо к аспектуальному классу ситуаций, называемых “событиями” (вендлеровские “achievements”). Действительно, описания (особенно однократных и относящихся к прошлому) событий типа взрыва, удара грома, внезапного падения, неожиданной находки и т.п. являются перфективными *par excellence* (разумеется, в тех языках, где такое аспектуальное противопоставление вообще выражается). Однако последовательность однократных событий (“серия”, или “цепь” событий) уже может трактоваться как длительная ситуация (ср. русск. *я вздрагивал*, где это изменение аспектуальной интерпретации маркировано выбором НСВ). Таким образом, не всякое описание событий однозначно перфективно. С другой стороны, перфективность данного типа (“точечная” перфективность) может соотноситься не только с чистыми событиями, но и с очень краткими процессами, т.е. с ситуациями, вообще говоря, длительными, но реализующимися как максимально недлительные, “сокращенные”. В этом случае язык как бы ставит знак равенства между понятиями ‘мгновенно’ и ‘быстро’. Такая ситуация характерна, в частности, для славянских языков, на что также обратил в свое время внимание Э.Даль: во многих случаях появление обстоятельств типа *медленно* блокирует в славянских языках возможность употребления перфектива; в романских и германских языках такого эффекта не наблюдается. Из других языков с аспектуальным объединением быстроты и мгновенности отметим не обсуждавшуюся прежде в аспектологической литературе глагольную систему языка кашайя (Калифорния, группа помо; используются данные Л.Р.Освальта). Система кашайя замечательна тем, что близка славянским системам и в морфологическом отношении – бинарная аспектуальная оппозиция выражается словообразовательными средствами (перфективация глаголов осуществляется прибавлением одного из нескольких суффиксов с исходным пространственным значением). При этом перфективные глаголы обозначают, по формулировке Освальта, “краткий единичный акт или фрагмент более длительного действия” (“single short act or one moment of a longer act”), откуда следует, что перфективность в кашайя соотносится не столько с мгновенностью, сколько именно с краткостью события.

В русском языке точечность может иметь специализированный морфологический показатель – это глагольный суффикс *-ну₁-* (в отличие от суффикса *-ну₂-* в глаголах типа *сох-ну-ть*). Глагольные формы с этим суффиксом всегда совершенного вида (что очень характерно для перфективных систем славянского типа); они соотносятся либо с мгновенными событиями (типа *вспыхнуть*, *толкнуть* и т.п.), либо с ситуациями-“свертками”, являющимися очень краткими реализациями некоторого процесса (т.е. в нормальном случае длительной ситуации); примером последних могут служить *дохнуть*, *дунуть* или достаточно многочисленные в современном разговорном языке образования типа *курнуть*. Заметим, что последние могут быть отнесены к аспектуальному классу событий только с большой долей условности, и поэтому учитывать глаголы на *-ну-* для полного описания семантики русского перфектива очень важно.

Значение ‘достижение естественное предела’ (так называемое комплетивное) хорошо известно, поскольку именно оно является главным (хотя

и не единственным) в славянских языках. Перфектив комплетивного типа так же, как и в предыдущем случае, обозначает событие, т.е. ситуацию особого аспектуального типа. Однако, в отличие от предыдущего пунктивного перфектива, комплетивный перфектив имеет одну существенную особенность: он обозначает такое событие, которое само всегда является частью некоторой другой длительной ситуации (как правило, процесса, реже состояния). Иначе говоря, комплетив обозначает некоторую выделенную критическую точку в составе ситуации.

Хорошо известно, что в качестве такой выделенной точки у предельных процессов выбирается момент достижения предела, т.е. финал ситуации; лексемы, называющие финальное событие (типа *построить, отрезать, сесть* и мн. др.) составляют в русском и других славянских языках ядро видовых пар. Прагматическая мотивация такого выбора очевидна; заметим, однако, что далеко не все случаи употребления перфектива укладываются в эту схему. В действительности, финал ситуации – естественная, но не единственно возможная критическая точка; другой такой точкой является момент начала ситуации. Оба события (начало и финал) характеризуются тем, что фиксируют, так сказать, пограничный момент между ситуацией и ее отсутствием. Сказанное объясняет, почему большинство инхоативных глаголов в славянских языках совершенного вида; но инхоативный тип перфектива встречается и во многих других языках как разновидность более широкого перфективного значения. Именно такова интерпретация английских перфективных форм типа *knew*, и ее появление естественно: это компромисс между неопредельным характером ситуации ‘знать’ и аспектуальными требованиями перфектива. Такой перфектив с инхоативным значением (в основном у глаголов одних и тех же семантических классов типа состояний и неопредельных процессов) засвидетельствован в самых разных глагольных системах от новогреческой и армянской до селькупской и туркана (нило-сахарская семья); в русском языке к этому классу принадлежат глаголы СВ типа *обидеться* или *понять*.

Таким образом, можно сближать перфектив первого и второго типа на том основании, что это “событийный” перфектив, чувствительный прежде всего к аспектуальному типу ситуации, которую он обозначает; но если пунктивный перфектив обозначает изолированное независимое событие, то комплетивный перфектив обозначает такое событие, которое является выделенной критической точкой в составе длительной ситуации: это либо момент начала ситуации (инхоативная разновидность), либо момент достижения финала (собственно комплетивная разновидность).

Признак ‘вложенность в более протяженный интервал’ опирается на понятие “фонового времени” (“topic time”), введенное В.Клейном: это тот момент или период времени, относительно которого делается утверждение с помощью глагольной словоформы. Дуративные формы всегда указывают на то, что данная ситуация по длительности перекрывает фоновое время. Естественным кандидатом на выражение противоположного значения (‘данная ситуация вкладывается в фоновое время’) оказывается перфектив. Однако дело здесь обстоит не так просто. “Вложенность” в чистом виде предполагает, что аспектуальный тип ситуации не является релевантным: существенно лишь, что ситуация началась и закончилась на протяжении фонового отрезка времени. Между тем, перфектив, рассмотренный в предыдущих разделах, хотя и допускает описание в терминах вложенности, в действительности соотносится,

как было показано, в первую очередь с аспектуальным типом ситуации – он описывает только мгновенные события или очень краткие процессы. Конечно, такие ситуации практически всегда оказываются вложенными в фоновое время (просто в силу, например, отсутствия у событий какой бы то ни было временной протяженности), однако это еще не является аргументом в пользу того, что в данном языке специально маркируется именно вложенность в фоновое время. Для получения таких аргументов следует привлечь более эксплицитные контексты. Такими контекстами оказываются, например, так называемые обстоятельства длительности типа *целый день*, *три часа*, *в течение минуты* и т.п., указывающие время, в течение которого продолжалась данная ситуация (при этом имеется в виду, что ни до, ни после данная ситуация не имела места). Поскольку обстоятельства длительности вкладываются в фоновое время, то и сама описываемая ситуация тоже вкладывается в фоновое время; иначе говоря, обстоятельства длительности задают очень удобный контекст для проверки того, как выражается в языке этот тип аспектуального значения.

Оказывается, что языки распадаются в этом отношении на два класса: первые одинаковым образом маркируют как мгновенные однократные события, так и “вложенные” ситуации, тогда как вторые используют разные аспектуальные показатели. Легко видеть, что русский язык относится ко второму классу языков, а, например, английский – к первому, так как в русском языке используются разные видовые формы в контекстах типа *он упал* (СВ: мгновенное событие) и *он шел целую минуту* (НСВ: длительный процесс, хотя и вложенный в фоновое время). В английском или французском языке в обоих случаях будет использована одна и та же перфективная форма, ср. англ. *he fell down* и *he sang the whole minute*. Тем самым обнаруживается, что истинным значением английского или французского перфектива является обозначение вложенности ситуации в фоновое время, а не только и не столько ее краткости / мгновенности. Этот тип перфектива мы предлагаем называть лимитативным, поскольку для его семантики главным является наличие временных границ ситуации, а не ее аспектуальная характеристика, как в предыдущих случаях.

В глагольных системах языков мира представлены разные типы перфективных значений. Различаются прежде всего системы, ориентированные на лимитативность (и поэтому менее чувствительные к аспектуальному типу ситуации), и системы, ориентированные на “событийность”, в которых перфективное значение в нормальном случае не характеризует состояния и процессы. “Событийные” системы могут далее различаться в зависимости от удельного веса компонента быстроты / мгновенности события; по-видимому, в системах типа кашайя он больше, чем в славянских, балтийских или картвельских “комплетивных” системах.

Чаще всего, однако, в языке в той или иной степени представлены все три перфективных значения. Английский язык обладает инхоативным перфективом, несмотря на преобладание лимитативного. Напротив, в русском языке комплетивный перфектив преобладает, но лимитативный тоже возможен: он – правда, наряду с целым рядом других неаспектуальных компонентов – характерен для глаголов с префиксами *по-* и *про-* (типа *постоять* и *простоять*). Очевидно, что трактовка таких форм как описывающих “точечные” события является натяжкой: это типичные лимитативные ситуации с ограниченной длительностью, вложенные в фоновое время. Напомним, что русские перфективы на *-ну-* типа *курнуть* или *мазнуть* также занимают особое

положение: это не столько события, сколько очень краткие процессы (можно сказать также, что это процессы, маскирующиеся под события). Таким образом, все три основных типа перфектива в русском языке представлены, хотя и в разных пропорциях.

С другой стороны, там, где разные типы перфектива противопоставляются морфологически, граница проходит между лимитативным и комплетивным перфективом; наиболее известным примером системы такого рода является болгарская (лимитативность выражается “аористом”, комплетивность – глагольной префиксацией).

В связи со сказанным, гипотеза Даля о “славянском перфективе” может быть сформулирована иначе: существует корреляция между словообразовательным характером аспектуальных противопоставлений в языке и тенденцией иметь перфектив “событийного” (не лимитативного) типа; впрочем, эта корреляция не абсолютна. Объяснение этому факту следует искать в том, что событийный перфектив больше связан с лексической семантикой глагольной лексики (собственно, с ее аспектуальным типом), а следовательно, менее грамматикализован.

Вторая глава (“Антирезультатив’ и его заместители”) посвящена исследованию особой группы аспектуальных значений, выражающих, в отличие от результативных значений, не наличие, а *отсутствие* результата у соответствующей предельной ситуации; отсюда и предложенное нами название “антирезультатив”.

Было показано, что антирезультативные значения формируют особую целостную семантическую зону, хотя далеко не во всех языках мира они выражаются специализированными категориями (такие случаи тоже встречаются – например, в языке туркана или в эскимосском; очень близка к специализированному антирезультативному показателю и русская частица *было* в конструкциях типа *пошел было, да остановился*). Выделяются два основных типа антирезультативного значения – значение *недостигнутого* результата и значение *аннулированного* результата (интересно, что специализированные антирезультативные показатели выражают одновременно оба эти типа). Разновидностями первого типа (недостигнутый результат) являются конативное значение, выражающее безуспешную попытку (*хотели пить и не смогли*), и проксимативное значение, выражающее достижение состояния, максимально близкого к результату, но все же им не являющегося (*он чуть не выдал себя*). Конативное значение выражается, главным образом, при глаголах, обозначающих контролируемые ситуации, успешное завершение которых требует значительных усилий; напротив, проксимативное значение выражается, главным образом, при неконтролируемых глаголах. Заместителями значения *недостигнутого* результата могут выступать аспектуальные элементы (особенно дуративные – как и в русском языке: ср. *кто решал* [= ‘пытался решить’] *задачу?*), модальные элементы (показатели желания / намерения) и некоторые другие, подробно рассматриваемые в работе.

Значение *аннулированного* результата, когда оно не выражается специализированным показателем, чаще всего выражается показателями плюсквамперфекта; причина этой полисемии – в особом значении плюсквамперфектных форм во многих языках, обозначающих не столько предшествование в прошлом, сколько ситуацию, относящуюся к отдаленному

прошлому и, в силу этого, менее реальную (ср. частое использование плюсквамперфектных форм в условных конструкциях с контрфактическим значением). Весь этот семантический комплекс мы предложили обозначать термином “сверхпрошлое” (имея в виду, что некоторые специальные свойства прошлых ситуаций в этой семантической зоне подвергаются интенсификации – не случайно в таких языках, как, например, корейский или дьола показатель плюсквамперфекта – это просто удвоенный показатель прошедшего времени). Значение аннулированного результата оказывается, таким образом, частным случаем “сверхпрошлого”.

В данной главе дополнительно разбирается интересная проблема морфологических типов плюсквамперфекта; делается вывод, что “европейским” системам с аналитическим плюсквамперфектом на базе перфекта противопоставляются распространенные во многих языках Африки, Америки и Азии системы с так называемыми показателями “ретроспективного сдвига”, когда соответствующий элемент (как правило, неизменяемая частица, реже суффикс) присоединяется к уже существующей в языке пунктивной или дуративной глагольной словоформе.

Третья глава (заключительная) посвящена анализу некоторых периферийных явлений в глагольной системе языка догон, связанных с выражением результата и эвиденциальности.

Интерес материала догон для грамматической типологии (и особенно для исследования грамматической периферии) связан с тем, что в этом языке отсутствует грамматическая категория залога; между тем, залоговые отношения в той или иной степени в системе могут выражаться. Описание “заместителей пассива” в догон неожиданным образом обнаруживает некоторые нетривиальные свойства других грамматических категорий этого языка: так, выделяется “потенциальный пассив” (выражаемый с помощью медиальных – рефлексивно-декаузативных – показателей), и что особенно интересно, также “эвентуальный пассив”, обозначающий неожиданную, произвольную или нежелательную ситуацию и выражаемый с помощью каузативного показателя. Полисемия каузатива и пассива засвидетельствована в немногих языковых ареалах (один из них алтайский), но конструкции языка догон – типологически одни из самых необычных.

С другой стороны, в языке догон сильно развита категория эвиденциальности (в иной терминологии, “медиатизации”); многие значения из Универсального грамматического набора могут быть выражены в догон только “склеенно” с эвиденциальными. Описание этой функциональной асимметричности (характерной для многих грамматических систем с гипертрофией какой-либо одной семантической зоны) составляет основное содержание последнего раздела данной главы. Вводится термин “медиативная экспансия”, описывающий присутствие медиативного компонента в конструкциях, выражающих (наблюдаемый) результат ситуации: говорящий описывает результат ситуации, часто не имея возможности наблюдать саму ситуацию как таковую; отсюда семантический сдвиг (известный также, например, в языках балканского ареала) “наблюдаемый результат” ⇒ “ситуация, о которой говорящему известно не из первых рук” ⇒ “недостовверная или предположительная ситуация”. Второе значение в этой цепочке выражает категорию эвиденциальности, третье является по преимуществу модальным.

В связи с категорией эвиденциальности в работе описаны также некоторые типы конструкций, выражающих косвенную речь. Для языка догон характерно широкое использование логофорических местоимений и так называемых гибридных конструкций, в которых соединены признаки как прямой, так и косвенной речи (ср. приблизительный русский аналог в имитациях устной речи типа *Товарищ первый нам сказал, что, мол, уймитесь* [В.Высоцкий]).

В Заключении подводятся основные итоги работы. Полученные результаты можно суммировать следующим образом.

В *первой части* исследования был дан обзор современного состояния морфологии и теории грамматики. Было показано, что основной тенденцией развития лингвистических теорий в этой области следует считать движение от структуралистских “дискретных”, таксономических и релятивистских моделей к “недискретным” постструктуралистским (в том числе когнитивным) объяснительным и типологическим моделям, ориентированным на межъязыковую сопоставимость и учет универсальной семантической “субстанции” – направление, к которому в целом примыкает и данное исследование.

Во второй главе первой части было введено понятие грамматической периферии как особого объекта исследования, состоящего из единиц, в той или иной степени не совпадающих с “эталоном” (или прототипом) грамматических словоизменительных показателей; исследование грамматической периферии особенно важно для понимания градуальной природы грамматического (признанной большинством современных теорий) и формулировки диахронических закономерностей приобретения и утраты грамматических свойств (“грамматикализации” и “деграмматикализации”). Было показано, что ядро грамматической системы состоит из обязательных словоизменительных значений, тогда как постепенная утрата обязательности сопровождается все большим отходом соответствующих единиц от грамматического эталона. В этом ряду были особенно детально рассмотрены нулевые грамматические показатели (возможные только в центре грамматической зоны), а также контекстно вытеснимые показатели, демонстрирующие наименьшую степень утраты обязательности, но тем не менее являющиеся, так сказать, первым шагом в направлении от грамматического центра к грамматической периферии.

Вторая часть работы была посвящена, главным образом, описанию “аналогов” грамматических категорий, т.е. показателей, по тем или иным причинам не имеющих грамматического статуса, но близких к эталонным грамматическим значениям по целому ряду формальных свойств. (Так, аналитический каузативный показатель в языках типа суахили или португальского, не будучи грамматикализован – т.е. не выражая значений никакой грамматической категории – тем не менее в ряде отношений весьма близок к грамматикализованным “вспомогательным глаголам”, входящим в ядро грамматической системы.) Аналоги образуют структурную периферию грамматических значений, формируя крайние области лексико-грамматического и/или морфо-синтаксического континуумов. Устранение аналогов грамматических категорий из грамматического описания языка (в связи с их “неграмматичностью”) часто создает неоправданно обедненную картину языковой системы.

Это положение демонстрируется в работе на примере двух типов континуумов: словоизменительно-словообразовательного и морфосинтаксического. Примером чрезвычайно сложно организованного словоизменительно-словообразовательного континуума является семантическая зона залога. В первой главе было показано, что термин “залог” в наиболее общем смысле покрывает достаточно разнородную область, состоящую из показателей перераспределения тематичности (собственно залог) и показателей изменения актантной структуры (преобразование, для которого в работе был предложен термин *актантная деривация*). При этом показатели актантной деривации часто передают и значения залогового типа, так как изменение актантной структуры, как правило, сопровождается изменением коммуникативного статуса актантов. Залог является образцом такой семантической зоны, где проведение очень тонких различий между близкими явлениями (такими как пассивные конструкции с нулевым агенсом, пассивные конструкции без продвижения пациенса и имперсональные конструкции) не исключает, а напротив, предполагает их совместное рассмотрение. Более того, регулярные диахронические изменения и синхронная полисемия показателей, наблюдаемые внутри данной семантической зоны, могут быть адекватно объяснены только с учетом постулируемых различий. Предложенный в главе концептуальный аппарат, предусматривающий противопоставление залога и актантной деривации, а внутри последней различающий три типа (повышающая, понижающая и интерпретирующая деривация) представляется более гибким и универсальным, чем известные “синтаксические” теории залога, сводящие все залоговые изменения к преобразованиям диатезы, т.е. слишком жестко привязанные к неуниверсальным реалиям синтаксического уровня.

Явления морфо-синтаксического континуума исследуются в работе на примере так называемых глагольных конструкций, т.е. идиоматических синтаксических образований, имеющих собственное значение и задающих некоторый “тип” высказываний; конструкции являются ярким образцом аналогов грамматических категорий (как правило, игнорируемым в традиционных описаниях). Во второй главе данной части были рассмотрены следующие типы конструкций: сериальные глагольные конструкции (на материале языков западной Африки и нек. др.), а также русские конструкции с удвоением глагольной лексемы. Было показано, в частности, что своеобразие сериальных глагольных конструкций – в значительной степени феномен лексического, а не синтаксического порядка. Анализ русских конструкций с удвоением позволил выделить в русской глагольной системе черты иконичности, а также показать существование на периферии русской глагольной системы таких значений, как (i) неоднократно возобновляемая безуспешная попытка (конструкция с “полным удвоением”) и (ii) уточнение точки зрения партнера по диалогу с помощью изменения типа логических связей в исходной модели мира (конструкции с “инфинитивной репликой”).

В *третьей части* работы вводится понятие “заместителей” грамматических категорий и рассматривается то, что можно называть “функциональной периферией” грамматической области. Иными словами, речь идет о неэталонных средствах выражения эталонных “привилегированных” значений из определенного закрытого списка – Универсального грамматического набора. Если аналоги уподобляются грамматическим показателям прежде всего по своим формальным свойствам, то заместители

сближаются с граммемами прежде всего на основании содержательных свойств: феномен заместителей возникает в языковой системе, не имеющей специализированных средств для выражения некоторой грамматической категории (например, времени или числа), но в необходимых случаях эти значения какими-то “подручными средствами” все же выражающей.

Наше исследование этой проблематики было в основном сосредоточено на аспектуальной семантической зоне вида. Самостоятельное значение имеет предложенная в первой главе работе универсально-типологическая классификация аспектуальных значений (выделяющая три имперфективных значения – дуратив / прогрессив, хабишуалис и итератив / дистрибутив, три перфективных значения – пунктив, комплетив и лимитатив, а также фазовые и результативные значения). Данная классификация (опирающаяся на работы Б.Комри, Э. Даля, С.Дика, И.А.Мельчука и др.) призвана преодолеть “славистический крен” в аспектуальной типологии и создать концептуальный аппарат, пригодный для описания самых разных глагольных систем, в том числе и весьма далеких от славянской модели (как это продемонстрировано в работе на примере языка догон). Наиболее оригинальным в этой классификации является различение трех типов перфективных систем (лимитативного типа, как в германских и романских языках, комплетивного типа, как в славянских языках, и наиболее редкого пунктивного типа, как в некоторых самодийских или америндских языках); впрочем, большинство реально наблюдаемых глагольных систем содержат перфективные показатели всех трех типов, но в разной пропорции.

Применение предложенного подхода позволило также выявить и впервые систематически описать самостоятельную семантическую зону, связанную с выражением недостигнутого или аннулированного результата; для этого значения работе предложен термин “антирезультатив”. Показатели недостигнутого результата (конатив и проксиматив) обнаруживают близость как к аспектуальной (часто совмещаясь с показателями длительности), так и к модальной зоне (совмещаясь с показателями интенциональности).

Значение аннулированного результата представляет особый интерес, так как в подавляющем большинстве случаев оно входит в особую семантическую зону – ту, для описания которой мы предложили термин “сверхпрошлое”. Центральными значениями в этой зоне является значение предшествования в прошлом, а также отдаленного и “прекращенного” прошлого. Существование семантической зоны “сверхпрошлого” заставляет по-иному взглянуть на значение плюсквамперфекта. С типологической точки зрения показатели плюсквамперфекта оказываются в большинстве случаев не только (и не столько) показателями таксиса, сколько реализацией одной из разновидностей идеи сверхпрошлого. Это становится особенно заметным в тех глагольных системах, которые характеризуются явлением, названным нами “ретроспективным сдвигом”; имеются в виду те случаи, когда показатели сверхпрошлого (и в том числе показатели плюсквамперфекта) образуются путем прибавления к уже существующим в языке видо-временным формам особых модификаторов – “ретроспективизаторов”. В качестве последних могут выступать вспомогательные глаголы, частицы глагольного происхождения (как русское *было*) или даже аффиксы. Что особенно интересно, в этой функции могут использоваться и обычные показатели прошедшего времени – именно так

в языках возникают словоформы с “двойным” показателем времени типа корейского плюсквамперфекта или романского кондиционалиса.

В заключительной главе третьей части была проанализирована функциональная периферия глагольной системе языка догон. Два феномена заслуживают особого внимания: с одной стороны, это выражение залоговых значений при отсутствии грамматической категории залога; с другой стороны, это выражение не-эвиденциальных значений различными показателями эвиденциальности (так называемая “медиативная экспансия” в системе). Было показано, что пассивное значение может передаваться в языке догон с помощью показателей рефлексива-декаузатива (типологически это достаточно обычный путь), а также с помощью показателей каузатива-пермиссива (это гораздо менее распространенный способ, но тем не менее типологически засвидетельствованный – прежде всего, в языках алтайского ареала, а также, например, в географически близком языке сонгай); в первом случае возникает потенциальный пассив, во втором случае – эвентуальный (с дополнительным значением неожиданности или нежелательности результата).

Феномен “медиативной экспансии” интересен прежде всего продемонстрированным в работе взаимодействием инферентивного и результативного значений (известного, в частности, для языков балканского ареала), а также типологически нетривиальными способами выражения косвенной речи с помощью так называемых гибридных конструкций.

По теме диссертации имеются следующие работы.

Монографии:

1. *Глагол в агглютинативном языке (на материале догон)*. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. – 167 с.
2. *Dogon*. München: LINCOM Europa, 1995. – 47 p. (Languages of the World / Materials; 64).

Статьи:

3. О некоторых свойствах грамматических оппозиций. – *Научно-техническая информация*, сер. 2, 1988, N 10, с.22-26.
4. Resultative and apparent evidential in Dogon. – In: V.P.Nedjalkov (ed.), *Typology of resultative constructions*. Amsterdam: Benjamins, 1988, p.481-493.
5. Существуют ли сериальные глагольные конструкции? – В кн.: Р.Н. Исмагилова, Н.В.Охотина (ред.), *Язык в Африке: Лингвистические проблемы современной африканистики*. М.: Ин-т Африки, 1988, вып. I, с.182-188.
6. Глагольная сериализация как лексический феномен. – В кн.: Н.В. Громова (ред.), *Лексикология и словообразование африканских языков*. М.: МГУ, 1988, с.99-112.
7. Согласовательный класс и число: надо ли ставить точку? – В кн.: В.И.Подлеская (ред.), *Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях*. М.: Наука, 1988, ч. II, с.3-18.
8. О работах группы формальной лингвистики Парижского университета-VII. – *Вопросы языкознания*, 1988, N 5, с.133-139.

9. Выражение множественности ситуаций в чамалинском языке. – В кн.: В.С.Храковский (ред.), *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука, 1989, с.79-87 (Глава 4).
10. К определению результата (универсальна ли связь результата и предельности?) – *Вопросы языкознания*, 1989, N 6, с.55-63.
11. Именная классификация: грамматический аспект. – *Известия АН СССР, СЛЯ*, 1990, т. 49, N 3, с.231-247 (совм. с О.И.Романовой).
12. Материалы к описанию императива в языке догон. – В кн.: Л.А.Бирюлин, В.С.Храковский (ред.), *Функционально-типологические аспекты анализа императива*. М.: ЛО ИЯз АН СССР, 1990, ч. I: Грамматика и типология повелительных предложений, с.36-40.
13. “Заместители” грамматических категорий (пассив в языке без залога). – В кн.: Р.Н.Исмаилова (ред.), *Африка: Культура, этничность, язык*. М.: Ин-т Африки, 1991, с.174-178.
14. Relations actanciellles en dogon. – *Actances* (Paris), 1993, N 7, p.227-238.
15. Three causatives in Dogon and the overlapping of causative and passive markers. – In: B.Comrie et al. (eds.), *Causatives and transitivity*. Amsterdam: Benjamins, 1993, p.391-396.
16. Средства медиатизации в языке догон: “результатив” и косвенная речь. – В кн.: Р.Н.Исмаилова (ред.), *Цивилизации Тропической Африки: общества, культуры, языки*. – М.: Ин-т Африки, 1993, с.186-193.
17. Об одном типе конструкций с повтором глагола в русском языке. – *Russian linguistics*, 1993, vol.17, N 3, p.263-277 (совм. с Д.Пайаром).
18. Грамматичность и отношения между морфемами (к вопросу о “групповой флексии”). – *Известия РАН, СЛЯ*, 1994, т.53, N 3, с.52-56.
19. К проблеме морфологического нуля. – В кн.: В.И.Беликов и др. (ред.), *Знак: сборник статей по лингвистике и семиотике памяти А.Н.Журинского*. М.: Русский учебный центр МС, 1994, с.148-155.
20. О некоторых направлениях современной французской лингвистики. – *Вопросы языкознания*, 1994, N 5, с.107-125 (совм. с Е.В.Рахилиной).
21. Семантические типы предметных имен: грамматика, лексика и когнитивная интерпретация. – В кн.: *Диалог '95: Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. – Казань, 1995, с.252-258 (совм. с Е.В.Рахилиной).
22. Обязательность и контекстная вытеснимость (к описанию грамматической периферии) – *Известия РАН, СЛЯ*, 1996, т. 55, N 1, с.61-66 (совм. с М.А.Даниэлем).
23. “*Тушат-тушат – не потушат*”: грамматика одной глагольной конструкции. В кн.: В.Змарзер; Е.В.Петрухина (ред.), *Исследования по глаголу в славянских языках: глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования, грамматики*. М.: Филология, 1996, с.106-115 (совм. с Е.В.Рахилиной).
24. Аспектуальные противопоставления в языке догон. – В кн.: И.В. Следзевский (ред.), *Африка: общества, культуры, языки (проблемы теории и методологии)*. М.: Ин-т Африки, 1996, с.172-178.
25. Вид и типология глагольных систем. – В кн.: М.Ю.Черткова (ред.), *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова*. М.: МГУ, 1997, том 1, с.173-190.

26. Именные категории в языке догон. – В кн.: В.А.Виноградов (ред.), *Основы африканского языкознания: именные категории*. М.: Аспект пресс, 1997, с.256-263.
27. Jakobson et Troubetzkoy: deux personnalités, deux sciences? – *Cahiers de l'ILSL* (Lausanne), 1997, N 9, p.185-194.
28. ВРЕМЯ и ВРЕМЕНА: к вопросу о категории числа. – В кн.: Н.Д. Арутюнова; Т.Е.Янко (ред.), *Логический анализ языка: язык и время*. М.: Индрик, 1997, с.158-169.
29. Морфологические категории в синхронии и диахронии (Джоан Байби). – В кн.: А.А.Кибрик, И.М.Кобозева, И.А.Секерина (ред.), *Фундаментальные направления современной американской лингвистики*. М.: МГУ, 1997, с.301-307.
30. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор). – *Семиотика и информатика*, 1998, вып.36, с.324-386.
31. Modality's semantic map. – *Linguistic typology*, 1998, vol. 2, N 1, p.79-124 (co-authored with Johan van der Auwera).
32. Плюсквамперфект и показатели “ретроспективного сдвига”. – В кн.: В.Ф.Выдрин, А.А.Кибрик (сост.), *Язык. Африка. Фульбе: сб. научн. статей в честь А.И.Коваль*. СПб; М.: Европейский дом, 1998, с.106-115.
33. К типологии фазовых значений. – В кн.: А.С.Нариньяни (ред.), *Труды международного семинара “Диалог-98” по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Казань: Хэтер, 1998, т. 1, с.386-394.
34. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология. – В кн.: М.Ю.Черткова (ред.), *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: ЯРК, 1998, с.370-381.
35. Agentive nouns in Dogon: neither derivation nor inflection? – *Morphologica* 1996 (Wien), in print.
36. Die Stellung der Morphologie im Sprachsystem. – In: G.Booij, C.Lehmann et al. (eds.), *Morphology: an international handbook of inflection and word formation*. B.: Mouton de Gruyter, in print.
37. Agglutination and (in)flexion. – In: M.Haspelmath, E.König et al. (eds.), *Language typology and language universals: an international handbook*. B.: Mouton de Gruyter, in print.

Тезисы докладов:

38. Semantic non-homogeneity as a universal property of grammatical oppositions. – In: Symposium on language universals: Summaries. Tallinn: Est. Ac. of Sciences, 1987, p.85-87.
39. К вопросу о статусе локатива в банту. – В кн.: V Всесоюзная конференция африканистов: Тез. докладов и научн. сообщений. М.: Ин-т Африки, 1989, вып. IV, ч. II: Литературоведение, языкознание, с.84-86.
40. К типологии африканского аналитизма (глагол). – В кн.: Теоретические проблемы языков Азии и Африки: V Международный симпозиум ученых соц. стран. Тез. докладов советской делегации. М.: Наука, 1990, с.83-85.
41. К типологии падежных систем в языках Тропической Африки. – В кн.: Всесоюзная конференция по лингвистической типологии: Тезисы докладов. М.: Наука, 1990, с.133-134.

42. К типологии партитива. – В кн.: Типология грамматических категорий: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Л.: ЛО ИЯз АН СССР, 1991, с.42-43.
43. Именная классификация и “скрытые категории”: язык догон. – В кн.: VI конференция африканистов: Тез. докладов и научн. сообщений. – М.: Ин-т Африки, 1994, ч. II, с.159-160.
44. Сериализация и удвоение: границы грамматики. – В кн.: III Международная конференция “Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки”: Тезисы докладов. М.: МГУ, 1995, с.75.
45. Насколько регулярны грамматические категории, или о проникновении лексики в грамматику. – В кн.: Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект. Тезисы международной конференции. Владимир: ВГПУ, 1995, с.139-140.
46. “Внутренний объект”: синтаксический аналог актантной деривации. – В кн.: Проблемы изучения языков Африки: Материалы конференции, посвященной 30-летию Отдела африканских языков. М.: Ин-т языкознания, 1995, с.124-126.
47. Agentive nouns in Dogon: a challenge for morphological theory? – In: Abstracts for the 7-th International Morphology Meeting. (Wiener linguistische Gazette, 1996.)
48. Формальное описание грамматических категорий глагола: база данных “Verbum”. – В кн.: А.С. Нариньяни (ред.), Труды Международного семинара “Диалог ‘96” по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1996, с.207-208 (совм. с И.А.Шоштайшвили).
49. Понятие обязательности у Якобсона и в русской грамматической традиции. – В кн.: Материалы международного конгресса “100 лет Р.О.Якобсону”. М.: РГГУ, 1996, с.89-90.

Рецензии:

50. Рец. на кн.: *M.Kilani-Schoch. Introduction B la morphologie naturelle* (Bern: Lange, 1988). – Вопросы языкознания, 1992, N 5, с.162-165.
51. Рец. на кн.: *M.Haspelmath. A grammar of Lezgian* (Berlin: Mouton de Gruyter, 1992). – Вопросы языкознания, 1994, N 3, с.146-150.
52. Рец. на кн.: *W.Croft. Typology and universals* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990). – Studies in language, 1994, vol. 18, N 2, p.529-531.
53. Рец. на кн.: *A.Martinet. Mémoires d'un linguiste: Vivre les langues* (Paris: Quai Voltaire, 1993). – Вопросы языкознания, 1995, N 3, с.145-148.
54. Рец. на кн.: *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Около 8000 терминов* / Под ред. А.Н.Баранова и Д.О.Добровольского. (М.: Помовский и партнеры, 1996, т. I). – Изв. РАН, СЛЯ, 1996, т.55, N 5, с.96-98.
55. Рец. на кн.: *C.Goddard; A.Wierzbicka (eds). Semantic and lexical universals: theory and empirical findings* (Amsterdam: Benjamins, 1994). – Вопросы языкознания, 1996, N 3, с.139-143 (совм. с Е.В.Рахилиной).
56. Рец. на кн.: *J.Calvo Pérez. Introducció n a la lengua y cultura Quechuas* (Valencia: Universitat de València, 1995). – Languages of the World, 1996, N 10, p.54-56 (совм. с В.С.Пестовым).
57. Рец. на кн.: *Z.Guentchova (ed.), L'ènonciation médiatisée* (Louvain: Peeters, 1996). – Известия РАН, СЛЯ, 1997, т.56, N 6, с.69-72 (совм. с В.Ю.Гусевым).

58. Рец. на кн.: *Selected essays of Catherine V. Chvany / Ed. by Olga T. Yokoyama and Emily Klenin* (Columbus: Slavica, 1996). – Вопросы языкознания, 1998, N 3, с.183-187.